

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александр Тамоников

НИКОЛАЙ II

РАССТРЕЛЯННАЯ КОРОНА

КНИГА 1

Александр Тамоников

**Николай II. Расстрелянная
корона. Книга 1**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1.-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Николай II. Расстрелянная корона. Книга 1 / А. А. Тамоников —
«Эксмо», 2015

Император Николай II – последний российский монарх, который своей трагической судьбой завершил великую эпоху российского самодержавия. Личность яркая, сильная, порой загадочная и противоречивая. В годы его правления Россия пережила едва ли не самые трудные, жестокие и страшные испытания за всю свою историю. Волевой, с феноменальной памятью, не теряющий самообладания даже в самые критические мгновения, император Николай II вместе с тем производил впечатление мягкого, порой застенчивого человека. Власть, данную ему, он нес как крест, как веление Бога, без ропота и уныния. Его отречение от престола до сих пор вызывает жаркие споры у политиков и историков, которые пытаются дать исчерпывающий ответ: что стало бы с Россией, со всеми нами, если бы последний император поступил иначе? Этот замечательный роман не претендует на истину в последней инстанции, но тем не менее помогает взглянуть на Николая Александровича Романова совсем с другой стороны и совсем другими глазами...

УДК 821.161.1.-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	29
Глава 3	54
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Тамоников

Николай II. Расстрелянная корона. Книга 1

Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была уже в виду. Она уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена...

В управлении государствами, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и прославляется за успехи. Дело не в том, кто проделывал эту работу, кто начерчивал план борьбы; порицание или хвала за исход довлеют тому, на ком авторитет Верховной ответственности. Почему отказывать Николаю II в этом суровом испытании?.. Бремя последних решений лежало на нем. На вершине, где события превосходят разумение человека, где все неисповедимо, давать ответы приходилось ему. Стрелкою компаса был он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево? Согласиться на демократизацию или держаться твердо? Уйти или устоять? Вот поля сражений Николая II. Почему не воздать ему за это честь?..

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль,
премьер-министр Великобритании в 1940–1945, 1951–1955 гг.

© Тамоников А., 2015

© ООО «Издательство «Приз», 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

Деревня Ютеша в тридцать два крестьянских двора стояла на возвышенности, в ста шагах от заливных лугов, вытянувшихся вдоль Оки. Все дома этого однорядного поселения были ориентированы строго на юг, где лучи солнца давали больше света и тепла. Из окон хорошо просматривались уголья, обрабатываемые крестьянами.

С запада к деревне вплотную прижимался густой лес. Оттуда на луга нередко выходили лоси, а зимой появлялись стаи голодных волков. Они заунывно и устрашающе выли в унисон метели. В такие минуты в селении яростно лаяли собаки и тревожно ржали лошади. Лес пугал людей и кормил их, изобилдовал живностью, грибами, ягодами. Он же служил и поставщиком стройматериала. Каждый год в Ютеше поднимались два-три новых дома.

В семьях подрастали дети, женились, обзаводились своим собственным хозяйством. На юге, за двумя прудами, большим и малым, раскинулись пашни, ближе к лесу – пастбища. На востоке овраг, по которому из дальних лесов бежала мелкая, не широкая, но быстрая и чистая речка Мока. Никто не помнил, откуда произошло это название, да и ладно. Невдалеке виднелись кресты деревенского погоста.

Через мосток и по склонам оврага шла дорога к соседнему селу Сарда, довольно крупному, более пятидесяти дворов. Там церковь, трактир и даже больница, построенная всем миром.

В ней служил один-единственный доктор, который предпочел вольность сельской жизни каменной тесноте города. Крестьяне обращались к нему только в самых крайних случаях, чаще тогда, когда и помочь уже никто не мог. Они куда чаще прибегали к дедовским методам и занимались самолечением.

Места красивые, рядом большая река, озера с прудами, луга и лес. А вот почва песчаная. Но если не случалась засуха, то урожай по дворам собирали неплохой.

Крестьяне сеяли рожь, которая не требовала многократной вспашки под посев, а убирать ее можно было до выпадения первого снега. Овес был необходим для корма лошадей, а его продажа являлась главным источником денежных средств. Ячмень давал хоть и невысокий, но гарантированный урожай, позволяющий избежать голода. На полях возделывались просо, гречиха, конопля, лен, сахарная свекла, картофель, махорка. В огородах росли огурцы, лук, капуста, репа.

В общем, крестьяне жили со своего хозяйства в полном смысле этого слова. Редкий двор в Ютеше не имел своей лошаденки, пусть и захудалой, и кур. У сельчан побогаче в хозяйстве имелись коровы и овцы.

Жили общиной, главные решения принимали на сходах, собираемых деревенским старостой. По-свойски, по-родственному, поддерживали друг друга и тех сельчан, которые по причине болезней, старости, вдовства или многодетности не могли обойтись без помощи. Всем миром строили дома погорельцам, делились с ними продуктами. Одним словом, люди жили в Ютеше точно так же, как и в других деревнях и селах всей среднерусской полосы.

Теплым майским вечером 1868 года на завалинке устроились Никола Грудов и Илья Колбин. Свояки. Их жены были родными сестрами. Мужики по давней привычке после нелегкого рабочего дня присели отдохнуть, поговорить, на деревню посмотреть да детишек по времени домой с улицы отправить.

– Слышал я, Никола, в Сарды спички завезли из города, – начал разговор Колбин.

– Эка новость! Ванька Теляй из города керосину да лампу привез. Вчера ходил к нему, глядел. Зажег фитиль, в избе светло как днем стало. Это не лучины палить!..

– Баловство те лампы, Никола. Не дай бог, случаем задеть да опрокинуть ее. Оглянуться не успеешь, как изба огнем возьмется. Покуда детишек вытащишь, она и сгорит. А с ней и

овин, и гумно. Останешься в одних портах. Нет, лучина надежней. Да и зачем дома свет? Летом и так ночи коротки, а зимой в темноте спать надобно. – Он улыбнулся и добавил: – Да детей строгать. Самое время. И потом, керосин, он ведь денег стоит. А где их на все набраться, когда семью кормить, поить да одевать надо, опять-таки скотину держать, инструмент spravить. Я в этом году соху заменил. Иначе сейчас пришлось бы на люди идти и просить. А какой же ты хозяин, коли свое добро в порядке держать не можешь?

– Да я ничего, Илья, сказал просто.

– Ну и ладно. А чего это сюда Матрена Белова бежит?

– Кто ж ее знает. Муженек, староста Кирьян, куда-то послал.

– Нет, видать, случилось что.

– Да вроде все тихо, спокойно. Дыма нет, скотина не беспокоится. Вон кот посреди улицы в пыль завалился. Животное беду заранее чувствует.

Женщина лет тридцати в клетчатой поневе и лаптях подбежала к мужикам.

– Что случилось-то, Матрена? – поинтересовался Колбин.

– Кажись, дед Ефрем помирает, – выдохнув, ответила Матрена.

– Да ты что? – удивился Грудов. – Я Ефрема третьего дня видел у дома его младшего сына. Дед ругал Лешку за то, что изгородь покосилась. Старики-то недавно, в прошлом году, им с Катериной избу подняли.

– Вот третьего дня и захворал дед. Как от сыночка своего непутевого возвратился. Забрался на печь, не ел, не пил, ни с кем не разговаривал.

– А чего ты сюда прибежала?

Матрена поправила сбившийся платок и ответила:

– Так к твоей, Никола, жене.

– Зачем она тебе?

– Бабка Анна думает, что сглазили ее старика, а твоя супружница по части снятия порчи разной первая баба на деревне после ее покойной матери Анюты, которая и передала ей тот дар.

Бабка Анюта, мать Ольги и Анастасии, жен Грудова и Колбина, считалась в округе знахаркой, большой умелицей снимать сглаз и порчу. После смерти матери Ольга продолжила ее дело. Анастасии же подобный дар передан не был. Так считали люди, верили в это.

– В избе Ольга, где ж ей еще быть.

– Рыбановы просили, чтоб она посмотрела старика.

– Ну, если просили, пусть идет да смотрит.

Матрена пробежала в избу и вскоре вышла оттуда с Ольгой Грудовой.

– Надо деда Ефрема посмотреть, Николай, – обратилась та к мужу.

– Иди.

– А ты Петьку домой загони, гляди, что чертенок удумал.

Жена побежала с Матреной к дому Рыбановых, а Николай посмотрел на сына, которому в прошлом месяце исполнилось пять лет. Тот хищно, крадучись, подбирался к коту, дремавшему в пыли.

– Петька! – окликнул его Николай, и мальчонка испуганно присел. – Ты чего это удумал?

Кот очнулся, почуял неладное и в мгновение скрылся за изгородью.

– А чего это он посреди улицы разлегся, прямо как барин какой?

– Так ты хотел его пнуть?

– Нет! За хвост дернуть. Не любят они этого.

– Давай-ка в избу, а то я тебя сейчас кнутом по заднице!..

Мальчишка метнулся домой.

– Ишь, надумал, стервец, кота за хвост дергать.

Колбин усмехнулся:

– И чего такого? Себя вспомни? Помнишь, как мы мальцами помещицкому коту усы срезали?

– Помню. Но никогда не забуду и то, как нас потом розгами управляющий угостил. Бил, скотина, сильно, не щадя. Сволочной мужичок был. Мелкий, прыщавый и злой, как собака.

– Все же, Никола, согласишься, что при помещике жить легче было. Да, работать приходилось на него много, на свои дела времени почти не оставалось. Но мы знали, если неурожай, пожар или другая какая напасть приключится, то он с голоду помереть не даст. И хлеба отпустит, и избу поможет поднять, а то и денег ссудит.

– А по мне сейчас лучше.

– Это кому как. Ладно, пойдем по домам.

– Пойдем. Темнеет уже.

– А над лесом тучи как будто.

Колбин глянул в ту сторону.

– Да, похоже. Значит, дождь прольет. Это сейчас на пользу.

– Если стороной не обойдет!

– Не обойдет. С леса наш дождь. Когда от реки натягивает, то точно уйдет на Сарду или еще дальше, а лесной нам достанется.

– Поглядим. Бывай, Илья!

– Бывай, Никола. Завтра в поле встретимся.

– Нет, я лошадь к кузнецу поведу.

– Чего это?

– Подкова одна лопнула, как бы копыто не повредила. Сменить надо.

– Ну и ладно.

Мужики разошлись.

А в доме Рыбановых Ольга Грудова осмотрела деда Ефрема, кое-как спустившегося с печи.

– Ну что?.. – спросила у нее бабка Анна, жена Ефрема.

– Не пойму я ничего. – Ольга пожалала плечами. – Впервые со мной такое. Хвори не вижу, сглазу тоже. Надо бы доктора позвать.

– Не надо, – проговорил Ефрем. – Видать, время мое пришло, помирать пора. А коли Господь призывает, то никто супротив Его воли ничего сделать не в силах.

– Да что ты, Ефрем?.. – Бабка Анна пустила слезу.

– С детьми и внуками останешься. На Лешку надежды никакой, а вот Глебушка позаботится о тебе. А сейчас пошлите кого-нибудь за священником.

– Господи, может, еще обойдется? – Бабка Анна погладила седую голову мужа.

– Ты, голубушка, сделай что надо. А там поглядим, пришло мое время или нет.

Старший сын, Глеб Рыбанов, стоявший у лавки, сказал:

– Я за священником съезжу.

Бабка Анна кивнула:

– Давай, сынок. Доктора тоже привези. Да и сестру Зою с мужем.

– Хорошо, матушка. Я скоро.

Глеб запряг лошадь, сел в телегу и поехал в село Сарда.

В избе остались бабка Анна, старшая сноха – рукодельница Мария, знахарка Ольга да Алексей, младший сын Рыбановых. Он выглядел испуганным, растерянным, то и дело неуклюже поправлял пояс на домотканой рубаше с косым воротом да подтягивал порты.

Ефрем велел всем кроме жены выйти, потом подозвал ее к себе и сказал:

– Не плачь, Аннушка. Всему свое время. Кто-то уходит, кто-то приходит. Так было, есть и будет. Жизнь мы с тобой прожили долгую, непростую. Бывало, и обижал я тебя, за то прости.

– Да полно тебе, Ефремушка, прощаться-то, – сквозь слезы проговорила Анна. – Скоро доктор придет. Он, конечно, пьет много, но человек ученый, болезни знает, умеет лечить. Хворь пройдет, Ефремушка, погоди помирать. У нас только внучок младшенький родился, Лешке помощь родительская нужна. Он не Глеб, слабый, мягкий. Господи, до сих пор жалею, что дали мы ему свое родительское благословение жениться на Катерине. Она и в девках смурная была, сверстниц сторонилась, все дома сидела с бабкой своей. Да и сейчас такая же. Молчит целыми днями, слова не вытянешь, худо Лешке с ней!

– Ну, Аннушка, и Ольге с муженьком таким тоже жизнь не мед. Да и какая бы еще девка пошла за него? Два сына у нас и такие разные. Глеб – опора, Лешка не пойми что. Но все мы рабы Божьи. Видно, так Господу угодно. Пушай живут, детей рожают. Избу им поставили, землю выделили, теперь сами по себе. А я, Аннушка, Федора, внучонка-то нашего, так и не видал.

– Увидишь. Ты только, Ефремушка, о смерти не думай.

Дед вздохнул и заявил:

– Тут, Аннушка, думай или нет, а коль срок пришел, то ничего не сделаешь. Такова воля Божья. Помру, похоронишь меня рядом с отцом и матушкой. Придет время, пусть и тебя Глеб рядом положит. Чтобы и на том свете мы с тобой вместе были. Глеб должен Лешке помогать, брат все же, не чужак. Зойка за кузнецом Михаилом крепко живет, вот и хорошо. Сама же не горюй. Тебе и детям нашим жить надобно.

– Ох, Ефрем, и что ж ты мне душу рвешь?

– Прости. Я бы...

Ефрем не договорил. В избу вошел доктор Пал Палыч, хорошо известный и в Сарде, и в Ютеше. От него ощутимо несло перегаром, но глаза чистые, сосредоточенные.

– Мир вашему дому, – сказал он, перекрестился на образа и спросил: – Так кто тут у нас помирать собрался? Дед Ефрем? Не рановато ли? А ну-ка помогите ему сесть да рубаху приподнимите.

Глеб и мать приподняли ослабевшего Ефрема, закатали рубаху.

Доктор выложил на стол инструменты, послушал старику грудь, спину, кивнул и поинтересовался:

– Давно, дед Ефрем, хворает?

– Так третий день, доктор, – ответила Анна за мужа.

– А когда только занемог, почему за мной не послали?

– Думали, отлежится на печи Ефрем, настоя из трав попьет и поднимется, как бывало не раз.

– Они думали!..

– Так что скажешь, Пал Палыч?

– Что сказать, Анна? Ефрему не доктора и знахари нужны, а священник.

– Ой! – вскрикнула Анна и приложила ко рту ладонь. – Что ж это такое? Значит...

Но доктор прервал бабку:

– Значит, что воспаление легких у мужа твоего. Болезнь запущена настолько, что не только я, но и врачи в уездной больнице не помогут. Давно дед кашлять начал?

– Да он особо и не страдал этим. Так, покашливал чутко где-то с Пасхи.

– Вот тогда звать докторов надо было. А сейчас, вы уж простите, ничем помочь не могу.

– Может, лекарства какого?..

– Зовите священника, – заявил доктор, собрал нехитрый инструмент, вновь перекрестился и вышел из избы.

Вскоре Глеб привел из Сард отца Димитрия, настоятеля тамошнего храма, увлек мать в сени. Там плакала Зоя, рядом стоял ее муж, богатырь кузнец Михаил.

Зоя бросилась к матери:

– Что ж такое творится-то? Помирает тятя?

– Да, дочка, видать, пришла смертушка за нашим отцом.

Кузнец приобнял жену, отвел от Анны.

– Ты, Зоя, не кричи, еще успеешь. Поди лучше с Машей и мамкой на улицу.

– Да как же я выйду? Мне тятю живым увидеть надо. Господи, беда-то какая.

Глеб тронул кузнеца за руку.

– Оставь их, Михайло.

Свойк отпустил жену, присел на лавку.

Через какое-то время в сени вышел священник и сказал:

– Больной исповедался, причастился. Теперь остается уповать на Бога. Молитесь, братья и сестры.

Глеб обратился к священнику и доктору, который дожидался, когда кто-нибудь отвезет его домой:

– Сейчас сосед подойдет, он вас доставит в Сарду.

– Я пока тут останусь, – заявил отец Димитрий.

Пал Палыч пожал плечами:

– Тогда и я останусь. Нечего зря гонять лошадь. А коли в Сарде что случится, так за мной оттуда приедут. Покуда пройдуся по дворам, людей, особенно детишек посмотрю. Сейчас время простудное, может, кому помощь нужна.

– Как пожелаете. Лошадь с телегой во дворе.

Семья Рыбановых зашла в избу.

Дед Ефрем лежал на скамье с просветлевшим лицом.

– Как исповедался, Аннушка, легче стало. Словно груз с себя сбросил, – проговорил он, посмотрел на сыновей, дочь, сноху и спросил: – А что я, Лешка, твоей жены не вижу?

Младший сын помялся и ответил:

– Так она с ребеночком. Капризничает Федька.

– Ступай за ней. Да пусть Катька твоя внука принесет. Хоть пред смертью посмотрю на него. А то нехорошо так-то. Мы ж одна семья.

– Ага, батюшка, я сейчас! – Алексей побежал на край деревни и вскоре вернулся с женой и сыном. Он вошел в избу следом за бледной Катериной, державшей на руках сына.

– Вот, батюшка, Федя, внучок твой младшенький, названный в честь прадеда Катерины.

И тут произошло то, что привело всех в ужас.

Увидев распеленутого ребенка, Ефрем задрожал, приподнялся на лавке и закричал сквозь хрип, прорвавшийся из груди:

– Господи, спаси и сохрани!.. Беда-то какая.

– Что с тобой, Ефремушка? – Анна кинулась к мужу.

Екатерина испугалась, закрыла сына пеленкой и одеяльцем, прижала его к груди и отошла в угол. А дед Ефрем словно не видел никого, кроме внука.

Он протянул к нему дрожащую руку.

– Вижу печать великого греха на челе младенца. Кровь на нем. Через него весь род наш вымрет и будет проклят во веки веков.

Екатерина с ребенком метнулась к двери, выскочила на улицу и побежала к своей избе.

Дед Ефрем без сил упал на скамью и прошептал:

– Беда. Кровь. Грех.

Глеб пришел в себя и позвал священника.

– Оставьте нас! – велел тот.

Родня, буквально сраженная неожиданным и странным пророчеством умирающего, вывалилась в сени.

– Не позвать ли доктора? – спросила Ольга Грудова. – Он где-то недалеко.

– Не надо, – отмахнулся Глеб, который был мрачнее тучи.
Леша, чувствовавший себя виноватым, прошмыгнул на крыльцо.

Вскоре священник вышел в сени и объявил:

– Преставился раб Божий Ефрем.

Бабка Анна рванулась в горницу. За ней вошли Зоя, Глеб, Мария, Ольга и кузнец Михаил.
Анна билась над телом мужа.

– Делом, матушка, заняться надо, – проговорила Зоя.

– Не могу, доченька.

Зоя усадила мать на скамью, присела рядом с ней.

Мария же велела мужу нагреть воды, приготовить новую одежду да спустить с чердака гроб, который загодя сделал себе сам дед Ефрем.

Покойника обмыли, обрядили в чистую, ни разу не надеванную одежду. Тело поместили в гроб, головой к красному углу, где находились иконы, руки свели на груди, вложили в правую белый платочек. Тело накрыли светлым холстом-саваном.

Священник начал читать панихиду:

– Блаженен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков...

Закончив свое дело, отец Димитрий перекрестился, вышел на крыльцо, увидел Алексея и спросил:

– А ты что здесь, а не со всеми?

Младший сын покойного схватил священника за руку.

– Тебе, отче, известно то, что не ведомо нам, простым и грешным мирянам. Скажи, почему такие страшные слова говорил батюшка, когда увидел моего сына?

– Это, Алексей, знает только Господь Бог.

– Пророчество его может сбыться?

– На это ответа у меня тоже нет. Знаю только, что человеку пред смертью открывается то, чего другие видеть не в силах.

– А жена моя Катерина?.. Может, она грешна, а не сын-младенец?

– Алексей, ступай-ка ты к родне. Но прежде скажи, о каком соседе говорил Глеб? Кто доведет нас с доктором до Сарды?

– Так зачем сосед, батюшка? Я сам доктора найду и отвезу вас.

– Тебе, Лешка, надо быть с покойным отцом да родней.

– Не могу, отче, не поверишь, боюсь.

– Чего боишься, Алексей? В дом родительский зайти?

– Да. Никогда такого не было, а сейчас словно сила какая держит.

Священник внимательно посмотрел на Рыбанова и осведомился:

– Давно ли в церкви был?

– Недели две уже не выходил из деревни.

– Дома молишься?

– Каюсь, не всегда. Забот много.

– Оттого и смятение в душе твоей, что от Бога отвернулся. А жена твоя молится?

– Катька? Она... да так же, как и я.

– А не лжешь?

– Нет.

– Совет у меня тебе такой. В воскресенье приезжай в Сарду вместе с семейством, заходи в храм. Там поговорим.

– А сглаза дурного на мне быть не может?

– Это от беса, Алексей. Ты же человек православный, крещеный. Проси у Бога милости, и не обделит Он тебя ею! А с тобой и семью твою. А пошлет Господь испытания, терпи, превозмогай себя. Тогда очистится душа твоя, и будет в ней радость.

– Так я найду доктора да отвезу вас.

– Ладно.

Алексей побежал к ближайшей избе.

Священник перекрестил его и сказал:

– Да поможет тебе Господь, заблудшая душа.

Младший Рыбанов нашел доктора, отвез его и священника в Сарду. Вернулся за полночь, распряг лошадей, дал ей воды и овса, прошел на крыльцо.

Из избы вышел старший брат.

– Ты где был, Лешка? Отец в гробу лежит, а ты все от своей Катерины оторваться не можешь?

– Нет, брат, я свез отца Димитрия и доктора в соседнее село.

– Я же соседа просил сделать это.

– Пришлось мне.

– Сам поди вызвался?

На этот раз Алексей не сдержался:

– Да что ты на меня волком-то смотришь? Не тебе одному тошно. Может, сына моего винишь в смерти батюшки? Мальца неразумного?

– Малец ни при чем. А вот жена твоя...

– Что жена? Ну, говори! Ведьма? Безбожница? Или завидуешь?

– Ты думаешь, что мелешь?

– Я-то думаю, да и тебе поразмыслить тоже не мешает. Затравили Катьку, из избы не выходит. Будто чужая для всех.

– Никто ее не травит. И не чужая она нам. Только вот мы ей не нужны. Это она нас за чужих держит. Слышал последние слова отца?

– И что?

– А то! Как жить-то теперь?

Из сеней вышла жена Глеба и заявила:

– Что как псы лаетесь? Братья родные, а на всю деревню горланите, когда в доме тело отца лежит. Совесть поимели бы. – Она повернулась к Алексею: – А ты, Леша, если в избу заходить не желаешь, ступай к себе, от греха подальше. Нам теперь чрез твою Катьку житья не будет. Молва о пророчестве отца быстро по деревням разлетится, до уезда дойдет.

– Далась вам Катька! Мне что, из дома ее гнать?

– Уйди, Лешка! – угрожающе проговорил Глеб.

Алексей понял, что брат стгоряча может и ударить. Он молча сошел по ступеням крыльца на землю и двинулся к своему дому, терзаемый темными мыслями.

Войдя в избу, муж увидел жену, качавшую в зыбке ребенка. На лавке узел, явно с тряпьем, рядом платок.

Алексей указал на вещи и спросил:

– Это что?

– А то, – неожиданно огрызнулась Катерина. – Одежка наша, моя и сына. Ухожу. Нет больше сил жить с тобой и родней твоей полоумной.

– Чего? – взревел Алексей. – Ты рехнулась?

– С вами не только рехнешься, а напроць уом тронешься. В ком отец твой беду и грех увидел? В ангелочке, только появившемся на свет Божий? У него пред смертью разум помутился, вот и нес невесть что. А родня и ты с ней рты пораскинули. Как же, ведь погубит дитятко мое малое вашу семейку. Все! Терпела, сколько сил хватало, больше не могу. Уйду в город.

– Ты чего городишь, стерва?

В младшем Рыбанове вспыхнула ярость, долго копившаяся в этом трусливом и жалком мужичке. Она вырвалась наружу. Ей не было больше места внутри Алексея. Так нередко случается с теми людьми, которые лебезят перед сильными, а в отместку издеваются над слабыми.

Но и Екатерина не поддалась, не испугалась.

– Я стерва? Что ты на мне женился-то? Хотя тебя и не спросили. Ефрем и Анна все сами решили с бабкой моей. Сирота им приглянулась. Отчего же нет? Сойдет за рабочую скотину, забаву для глупого сына. Облаготельствовали, в семью свою взяли. А ты хоть раз спрашивал, мил мне или нет? Счастлива я с тобой? Не интересовался. Потому как наплевать тебе на это. Привел бабу, она и у печи, и в хлеву, и в поле. Сам-то ни на что не годный. Ограду исправить не можешь. Чего ж о бабьем счастье говорить? Ты ведь только о себе всегда и думал. Навалишься, сопишь, слюну пускаешь. Дело свое сделаешь и на боковую. А то, что жена мучается, это ничего, раз она скотина. Да и родня твоя со свадьбы на меня косится. Будто прокаженная я какая, виноватая в чем-то. С чего вдруг сегодня твой отец заорал на младенца? Привиделась ему печать какая-то. А как после на меня с дитем брат и сват твой смотрели! С угрозой и звериной злобой. Я видела. Они сына моего изведут и глазом не моргнут. С ним и меня. А тебе новую жену подыщут, и пойдешь ты за ними как телок неоближенный. Не мужик ты, Лешка, а тряпка. А я не дам сгубить ребенка. Поутру уйду. Живи как знаешь.

Алексея трясло, глаза налились кровью, ладони сжались в кулаки, да так, что из-под ногтей кровь выступила.

– Уйдешь, тварь? Опозоришь меня на всю деревню? Не мужик, тряпка, да? Ну, сволочь, сейчас ты узнаешь, кто тут хозяин.

Алексей подскочил к жене и ударом кулака отбросил ее к полатам. Завесь сорвалась и накрыла молодую женщину. Зыбка едва не перевернулась, ребенок заплакал. Рыбанов потерял голову, схватил Екатерину за волосы и вытащил к печи.

– Ты у меня, скотина, далеко уйдешь!

Он бил жену без разбору, сначала кулаками, потом ногами. В голову, в грудь, в живот, в спину. Екатерина пыталась уклоняться от ударов мужа, но силы оставляли ее. Почувяв кровь, Алексей совсем сбесился. Он устал бить жену руками и ногами, сорвал со стены кнут и начал полосовать жену. Рубаха на ней разлетелась в клочья. Он сорвал ее и принялся охаживать кнутом голое тело, быстро превращавшееся в кровавое месиво.

Наконец-то Лешка споткнулся об опрокинутую скамью, выронил кнут и остановился. Сын в зыбке кричал, окровавленная Екатерина безжизненно лежала на полу. Сильная боль ударила Алексея по вискам. Он обхватил голову, качаясь, прошел в бабий кут – место хозяйки у печи, – вылил на себя ведро студеной воды и очухался. Ярость ушла. Ее место занял страх. Как бы не пришлось отвечать за содеянное.

Алексей подошел к жене, пнул ее ногой.

– Катька, вставай! Больше бить не буду.

Но Екатерина не подавала признаков жизни.

– Померла, что ли? – Алексей побледнел, нагнулся к жене, повернул к себе ее избитое лицо.

Екатерина дышала, пусть и слабо.

– Жива, слава богу. Да только надолго ли?

Ребенок исходил истошным криком. Алексей подошел к зыбке, покачал ее. Сын прекратил плакать и вдруг засмеялся так, будто кто-то щекотал его.

Рыбанов отпрянул от ребенка и подумал:

«Господи, что это? Воистину ненормальный. Да за какие грехи мне все это? Еще Катька помрет, не дай-то бог. Тогда староста Кирьян быстро мужиков соберет, отвезет меня в уезд и сдаст полиции. На то он и староста, чтобы за порядком на деревне следить, а не только на сходах выступать. – Он присел перед женой, тронул ее руку и услышал, как Екатерина засто-

нала. – Жива. Но помереть может. Нужна помощь. Господи, и чего я сорвался? – Страх переполнял Алексея, заставлял его думать о себе. Убийство жены – это тяжкое преступление. За него можно и на каторге сгнить. – Надо звать кого-нибудь на помощь. В дом родительский ходу нет, доктора сам в Сарду отвез. Погоди, а жена Грудова? Она из отцовского дома ушла, сейчас должна быть у себя. Ольга же знахарка, лечить умеет. Избитых тоже поднимала, когда мужики на кулачные бои деревня на деревню выходили. Да еще каких переломанных! Вот к ней и надо идти. Чего-то младенец притих. Чудной он какой-то. – Алексей подошел к зыбке и увидел, что Федор, его сын, тихо спал. – То орет до синевы, то смеется, как дурной, а теперь спит, посапывая. Ну и хорошо».

Рыбанов в окровавленной мокрой рубашке, портах да лаптях быстро пошел шагом по улице. В деревне не спали только цепные псы, сопровождавшие его своим лаем. Он дошагал до двора Грудовых, отворил калитку, прошел к избе, тихо постучал в оконце.

Вскоре бородатое лицо Грудова высунулось в темноту двора.

– Кто тут?

– Никола! – не повышая голоса, проговорил Алексей. – Это я, Лешка Рыбанов.

– Чего тебе? Какая нелегкая принесла в ночи?

– Жена твоя дома?

– Ольга? – удивился Грудов. – А где же ей быть-то?

– Ну, может, у нас. У отца.

– Ты сам-то чего блудишь по деревне?

– Выйди, Никола, разговор есть.

– Сейчас. Погоди на крыльце.

Рыбанов прошел на крыльцо. А с полатей у печи подавала голос проснувшаяся жена Грудова:

– Чего там, Никола? – подавала голос с полатей Ольга.

– Лешка Рыбанов приперся, а чего, пока не знаю. Говорит, разговор есть.

– Неймется ему. При отце покойном надобно быть, а он по деревне шатается.

– Про тебя Лешка спрашивал.

– А чего?

– Тут ты или в доме покойника?

– Он пьяный, что ли?

– Не похоже. Лешка вроде никогда не пил ничего, кроме кваса да воды.

– Ты долго-то с ним не болтай!

– Ладно, спи.

Грудов оделся и вышел на крыльцо.

Рыбанов-младший вскочил со ступенек.

– Ты извиняй, Никола, что ночью.

– Пустое. О чем говорить хотел?

– Тут...

– Погоди, – перебил его Грудов. – А чем это у тебя рубаша запачкана? В канаве, что ли, валялся? Да вроде перегаром от тебя не прет.

– Кровь это, Никола.

– Тебя побили?..

– Нет, не перебивай. Тут такое дело. Жену я избил. До полусмерти, а может, и померла уже.

– Ты бабу свою избил? – удивился Грудов. – Чудно.

– Чего чудного-то?

– Ты, сколько помню, никогда не дрался.

– А теперь не сдержался. Тебе Ольга не рассказывала, что в доме отца произошло, когда Катерина сына туда принесла?

– Как же, рассказывала. И чего?..

– Так вот я домой вернулся, а она вещи собрала. Хотела утром в город податься.

– Как так?

– Вот так! Много чего наговорила. На меня словно нашло что-то. Вдарил раз, а потом и не помню, как бил. Да еще кнутом добавил. Ты Ольге скажи, что ее помощь требуется. Катька-то без сознания лежит.

– А не прибил ты ее вконец?

– Уходил, дышала.

– Ну, Лешка, кто другой сказал, я бы не поверил.

– Ты Ольге вели, чтобы посмотрела Катьку да помогла чем-нибудь.

– Стой тут.

– Я отблагодарю, Никола.

– Жди, сказал. С благодарностью разберемся как-нибудь.

Грудов вернулся в избу.

– Ну и что там? – спросила жена.

– Лешка Катьку сильно побил, боится, помрет. Просит, чтобы ты посмотрела ее.

– Лешка?..

– Сам удивился. Надо идти, Оля.

– Господи, и что за день сегодня такой?

– Ты поспешила бы, а то, может, Катька и на самом деле помирает.

– Ступай во двор, я выйду. Возьми из сундука холщовую сумку, там снадобья всякие.

– Угу. – Грудов забрал сумку и вышел на крыльцо.

– Что Ольга? – спросил Алексей.

– Сейчас выйдет.

– Трясет всего.

– Выпить тебе надо.

– Надо, да не пью я. Не лезет ни водка, ни вино. От одного запаха тошнит.

– И что ты за мужик, Лешка? Все у тебя не как у людей.

– Какой уж есть.

– В том-то и дело, что никакой. Ты извиняй, конечно, обидеть не хотел.

Рыбанов вздохнул:

– На правду, Никола, не обижаются. Слабак я. Оттого и не живу, а маюсь.

– Слабый, а бабу, видать, покалечил не на шутку. Последнее это дело, Лешка, их обижать.

Ты с мужиками дерись, а бабу избить – дело не хитрое, но паскудное.

К мужикам вышла Ольга.

– Пошли, – сказала она и первой двинулась на улицу.

Грудов и Рыбанов зашагали следом за ней.

Увидев Екатерину, окровавленную и распластанную на полу, Ольга воскликнула:

– Что ж ты наделал, Лешка? Над зверем диким так не изгаляются, а тут человек!

Рыбанов шмыгнул носом.

– Так вышло, разум замутился.

– Разум? А есть ли он у тебя? Ладно, Катька дышит. Давай, Лешка, подмоги мне перенести ее на полати, поставь воды нагреться да свету больше сделай. Свечи в доме есть?

– Найдем.

– Помогай!

Алексей и Ольга перенесли обмякшее тело Екатерины на полати.

– Так я за водой? – спросил Лешка.

– А что, в избе и воды нет?

– На себя вылил.

– Так давай быстрее.

– Угу, я быстро, колодец недалече.

– Да беги уж!

– А мне чего делать? – спросил Николай.

– Разложи на столе снадобья из сумки. Я потом определюсь, что потребуется, а покуда посмотрю Катьку. Это ж надо так избить бабу! И откуда у Лешки столько силы взялось?

– В горячке и коня на скаку остановишь. В Сарде, когда изба загорелась, старик немощный целую стену удержал, пока семья из огня не выскочила. А после одно бревно приподнять не смог.

– Хватит болтать. Делом занимайся.

Ольга начала внимательно осматривать и ощупывать тело Екатерины. Послышались стоны избитой женщины.

Вскоре Ольга выпрямилась, потянулась и сказала:

– Ну, кажись, кости целы. Два зуба вылетели, но это мелочь. Голова не пробита.

– А шкура быстро заживет, – сказал от стола Николай.

– Так, Никола, дай-ка мне темный пузырек, что слева с краю стоит.

– Этот? – Николай поднял пузырек.

– Да, его.

– Держи.

Ольга высыпала на ладонь какой-то порошок, взяла щепотку и поднесла пальцы к ноздрям женщины, находящейся без сознания.

Та дернулась, чихнула, открыла глаза и слабым голосом спросила:

– Ольга?..

– Я, Катерина.

– А что с дитятком моим? Жив ли он?

– Жив, успокойся, в зыбке спит.

– Перепеленать бы его надо.

– Заплачет, перепеленаю. Что болит-то?

– Ты откуда взялась? – вопросом на вопрос ответила Екатерина.

– Да муженек твой среди ночи поднял.

– Изверг.

– Ладно, что было, то прошло.

– Сильно он меня изуродовал?

– Я же спросила, что болит.

– Ничего, тела не чувствую, будто нет его.

– Это исправим. Главное, что кости и голова целы. А вот и муженек твой. Он за водой бегал.

– Видеть его не могу.

– Пройдет. Нам, бабам, не привыкать.

Алексей налил в чугунок воды из деревянного ведра, поставил в печь, где еще тлели угли, вышел из кута, встал у занавеси и сказал:

– Нагреется быстро.

– Мне нужно чистое тряпье, чтобы на лоскуты порвать.

– Гляну в сундук. Катька лучше знает, где что лежит.

– Там сверток холста, – проговорила женщина.

– Слыхал?

– Слыхал, а как резать-то?

– Лоскуты должны быть примерно с ладонь, не шире.

Лешка занялся нарезкой своеобразных бинтов.

– Николай, глянь воду, – сказала Ольга.

– Сейчас. Теплая, рука терпит.

– Давай сюда.

Николай поднес чугунок. Алексей подал первые лоскуты.

Ольга обтерла тело Екатерины, смыла кровь и взялась за рваные раны. Она осторожно покрывала их мазью, тут же делала перевязку. Спустя час знахарка поднялась со скамьи. Екатерина представляла собой мумию, обмотанную лоскутами ткани.

Глаза, полные боли, смотрели на знахарку, разбитые губы шептали:

– Дитя посмотри, Оля. Что-то долго молчит.

– Спит крепко, вот и молчит. Все, что надо, я сделала. Теперь тебе, Катька, нужно спокойно отлежаться. Через два дня сниму повязки, поглядим, как раны.

– Не уходи, Оля, – попросила Екатерина.

– У меня, Катя, свои детишки дома одни. Проснутся, увидят, что нет родителей, испугаются.

– Тогда пусть хоть Никола останется.

– Ты, Катька, не бойся, – сказал тот. – Лешка тебя теперь пальцем не тронет. Напротив, ухаживать будет.

– Не нужны мне его ухаживания. Ненавижу!..

– Перестань. Всяко в жизни случается. А мы пойдем. Не бойся. Выздоровливай.

Николай повернулся к Рыбанову и сказал:

– Проводи до улицы.

– Да-да, конечно. Мне и самому еще поговорить с вами надо.

– Поговорим.

Грудовы и Алексей вышли на улицу.

Рыбанов схватил Николая за руку.

– Никола, Ольга, прошу, никому не говорите о случившемся. А то прознает староста Кирьян, в момент доложится уездному полицейскому исправнику и становые приставы заберут меня.

– Испугался? – Ольга брезгливо посмотрела на тщедушного мужичонку. – А когда жену забивал, не боялся?

– Да сколько говорить, затмение какое-то нашло. Не понимал, что творю.

– Ладно, – сказал Николай. – Мы никому о твоих делах не скажем. Но и ты гляди, Лешка! Коли еще раз без вины тронешь бабу, не обижайся. Сам Кирьяну доложу. Понял?

– Понял, спасибо.

– И найди, что родне сказать.

– Насчет чего?

– Насчет того, почему на похоронах деда Ефрема жены твоей не будет. Или поведешь ее избитой?

– Придумаю чего-нибудь.

– Думай. За дитем да за Катькой смотри.

– Станет вдруг плохо, зови немедленно, – заявила Ольга.

– А что, ей может хуже стать?

– Не должно, но кто знает.

– Спасибо вам. Коли помощь какая потребуется, я завсегда...

Николай усмехнулся:

– Ты изгородь свою поправь, помощник.

– Сделаю, Никола, вот те крест.

– Ты креститься-то не спеши. Грех отмаливай.
– Отмолю.
– Все, Лешка, пошли мы. – Грудовы отправились домой.
Алексей вернулся в избу, набрался храбрости, подошел к жене.
– Ты, Катерина, прости меня. Не хотел.
– Бог простит.
– Клянусь, больше пальцем не трону. Лелеять буду. Только и ты обидных слов не говори, ладно?

– Уйди!
– Видеть не хочешь?
– Не хочу. За сыном смотри.
Рыбанов вздохнул:
– Я и не знаю, как пеленать ребенка.
– Я скажу, как надо.
– Ага. Ладно. Я тут у зыбки на лавке тулуп положу и прилягу. Станет худо, скажи. Хотя Ольга обещала, что ты должна на поправку пойти.

– Ты пред тем как ложиться, соломы чистой принеси да набросай по полу. Пусть кровь впитает, а то, не дай бог, зайдет кто из твоих родственников или соседей.
– Сейчас, Катя, сделаю.

Екатерина отвернулась к стене. Онемение постепенно проходило. Она уже чувствовала ноги, руки, часть лица. Раны, обмазанные мазями, болели не так чтобы сильно, терпимо. А вот в голове словно кто-то изнутри молотком бил.

Екатерина терпела. За свою недолгую, но трудную жизнь она научилась терпеть боль и унижения. Однако женщина не умела прощать. Ненависть к мужу помогала ей переносить страдания. Она незаметно для себя забылась. Подействовала снотворная настойка, данная ей Ольгой.

Алексей навел в избе порядок, стараясь не шуметь, не разбудить жену и сына. Он бросил на лавку тулуп и лег на него, когда за окном уже забрезжил рассвет.

А потом на округу обрушился дождь. Сначала сильный, ливневый, от которого единственная улица деревни покрылась лужами. Затем он поутих, но не прекратился, стал мелким, по-осеннему нудным.

Поутру не выспавшийся как следует Николай Грудов пошел к своему товарищу Колбину. Дождь смешал все их планы. Работы пришлось отложить.

Николай застал Илью на крыльце.
– Здорово!
– И тебе здравствовать, Никола!
– Денек-то сегодня какой, а? И не сказать, что весна.
– Пушай землю польет.
– А ты чего в Сарду лошадь не повел?
– К кому, Никола? Кузнец-то здесь, в Ютеше?!
– Я и забыл, что он муж дочери покойного Ефрема. Они теперь к похоронам готовятся.
– Да.
– А скажи, Никола, чего это вы с женой да Лешкой Рыбановым ночью по деревне шастали?
– Откуда знаешь?
– По нужде выходил и видел, как вы гурьбой к избе Лешки подались. Или случилось что?
– Да так, пустяки.
– Нет, Никола, так просто да еще ночью Лешка к вам не прибежал бы.

– Чего допытываешься?

– Интересно после того, что старик перед смертью напоролил.

– И о том слышал?

– Об этом вся деревня с утра говорит. А хочешь угадаю, почему вы с Ольгой к Лешке ночью ходили?

Николай посмотрел на Илью:

– И зачем же?

– Не иначе Катерина над собой и дитем чего-нибудь сделала. Она может.

– Не угадал.

– Ну и ладно. Все одно скоро и о ваших ночных похождениях вся деревня узнает. У нас тут ничего не утаишь.

– Плохо!..

– Ты чего скрываешь?

– Сказал же, ничего.

– Почему же тогда плохо, что о вас деревня узнает, коли ничего такого не произошло?

– Вот репей, прицепился.

Илья наклонился к товарищу:

– Ты, Никола, если что серьезное, то лучше сейчас мне расскажи. А то ведь дойдет до Кирияна Белого, тогда неприятностей не оберешься. А староста как-никак свояк мне. Покуда деревня не загудела как улей, я с ним сговориться могу.

Николай задумался. Верно говорил Илья, в деревне ничего от людей не утаишь. Бабы обязательно пронюхают про дела Лешки. Тогда точно бучу не остановить.

Он повернулся к Илье и заявил:

– Обещай, что поможешь с Кирияном, если правду скажу.

– В этом не сомневайся. Так что случилось-то?

– Поколотил Лешка Катьку свою сильно. Чуть не убил.

– Да ты что? – удивился Колбин. – Вот от кого я не ожидал. Видать, из-за пророчества Ефрема?

– Уйти она от него хотела. Пред тем высказала все, что о нем думает. Вот у Лешки разум и помутился. Насмерть бил.

– Вот тебе и тихоня, вот и тюфяк. А Катька тоже хороша. Разве можно так с мужиком, каким бы никудышным он ни был? Хотя она и не на такое способна.

– Почему?

– А ты разве не слышал, что мать ее колдуньей, ведьмой в родной деревне считали?

– Слышал, но не верил. Мало ли чего бабы наплетут. Они на язык остры.

– Может, так, может, нет. В Демидовке, откуда родом Екатерина, живет Анюта, двоюродная сестра наших с тобой баб. Прошлой осенью, если помнишь, погостить приезжала.

– И чего?

Илья поудобней устроился на лавке и продолжил:

– А то, что рассказывала про родню Екатерины. Говорила, что семья ее жила на отшибе. Сами по себе. Самойла, отец Катькин, в городе на заработках больше промыслял. Девку воспитывали мать Рада и бабка Пелагея по прозвищу Блоха.

– А чего Блоха? – спросил Николай.

– Фамилия их Блохины. Так вот Пелагея тайно из уезда баб брюхатых принимала да избавляла от плода. А Рада порчу на людей наводила. Однажды, сказывала Анюта, на двор их пьяный мужик из деревни зашел. У него жена померла, вот, видать, и решил он в отсутствие Самойлы к Раде подвалить. Выпил для храбрости. Погнала его Рада. А через день мужик ни с того ни с сего помер. Лег спать и не встал. Как шел к бабе замужней, многие видели, и как

погнала она его, тоже. Старухи тут же приговорили, что Рада в смерти мужика виновата, мол, колдовством в отместку за обиду его извела.

Николай почесал затылок и спросил:

– Ты сам-то в это веришь?

– А с чего тогда здоровый мужик помер? После того как Рада эта его прогнала.

– Да мало ли от чего. Может, удар его во сне хватил?

– Может, и хватил, но послушай, что дальше было. Наверное, от блудниц, которые к Пелагее приезжали, Рада прознала, что Самойла ее в городе с другой бабой живет, и поехала к нему. Застала муженька с бабой, нет ли, неизвестно, только вскорости в деревню гроб с телом Самойлы привезли. Мужики, которые его доставили, сказывали, что на сплаве придавило Самойлу бревном.

– Мало ли сплавщиков давит?

– Немало. Но тогда на сплаве и работы-то толком не имелось. Всего два или три плота связать надо было. Уже сделали, как Самойла вдруг туда полез. А бревна-то возьми и разойдись. Ничего особенного, провалился, такое бывает, выплыть-то нетрудно. Да тут бревно одно ни с того ни с сего поднялось да по башке Самойлу и взгрело. Скажешь, случайность?

– Не похоже. Дальше-то чего было?

– Похоронила Рада мужика своего, потом за травой какой-то на болото пошла, да там и потонула. Никто этого не видел. Но не вернулась баба домой. Так Катька осиротела, до помолвки с бабкой Пелагеей жила, была такой же нелюдистой, как мать и бабка. Девки гулянки, игрища устраивали, а она дома сидела. Видать, бабке своей помогала в греховном промысле.

– А как ее Рыбановы-то нашли? Сколько нормальных девок у нас, в Сарде, в той же Демидовке, я уж про Перово не говорю, а выбрали Алексею Катьку!

– Вот тоже, видать, судьба. Случайно все вышло. Ефрем с Анной ездили на ярмарку, возвращались через Демидовку, за деревней колесо у телеги сорвало. А рядом подворье Блохи. Ефрем зашел к Пелагее, думал мужиков на помощь позвать, а увидел бабку да Катьку. Она и помогла им кобылу подержать. А потом, сам знаешь, сваты, помолвка, свадьба ну и все такое. Увезли Катьку сюда. А почему Ефрем решил женить младшего сына на сироте, да еще из такой семьи, уже никто не скажет.

– Да тут и говорить нечего. Расчет простой. Сирота и есть сирота. Как раз для Алексея. Он малый слабый, сам ничего, считай, делать не может, а Катька девка работящая. Если что, заступиться за нее некому.

– Пелагея в год свадьбы померла.

– А с избыю их чего?

– Не знаю. Я вот чего, Никола, думаю. Ефрем действительно увидел на сыне Лешки и Катьки что-то такое, чего другим не заметно.

– Печать греха?

– Не знаю, но что-то разглядел перед смертью.

– Чего на младенце увидеть можно?

– Нам не понять.

– Это ладно. Помер Ефрем не оттого, что чего-то на младенце разглядел. Доктор говорил, запустил он болезнь. Дите здесь ни при чем. Так ты, Илья, обещал, если что, помочь с Кирьаном.

– Обещал, исполню! Ты меня знаешь, слово держу. Я с ним сегодня же и поговорю.

– Не рано?

– Самое время. Поздно будет, когда в деревне буча поднимется. Катьку бабы особо не привечают, но и Лешку за мужика не считают. А вой поднимут только из-за того, чтобы другим мужикам неповадно было руки распускать. Сейчас не прежние времена. В тюрьму загреметь можно из-за бабы своей. На то в уезде и исправник с приставами, чтобы народ законы читил и

исполнял. Перед ними мужик и баба равны. Как и пред Богом. Все мы Его рабы. Так что если говорить с Кирьяном, то сегодня. Пусть знает да припугнет Лешку. Тот трусливый, испугается.

– Видел бы ты, как он ночью трясся.

– Говорю же, не мужик, а не пойми что.

На крыльцо вышла Анастасия.

– А вы чего тут сидите, в избу не заходите?

– Да тут дышится легко.

– Смотрю, дождь к дальнему лесу ушел.

Мужики и не заметили за разговором, что он прекратился.

– А ты далече собралась? – спросил жену Илья.

– К Рыбановым, куда ж еще. Им лишние руки сейчас не помешают.

– Может, мне с тобой пойти?

– За детьми поглядывай. А будет нужда, позовут.

– Ладно, иди. Только без надобности не задерживайся. В своей семье забот хватает.

– Сама знаю. Воды натаскай. Соломы, чтоб просохла. Сегодня мыться будем.

– Сделаю.

Анастасия ушла.

Из сеней показалась голова мальчишки.

– Тятя, меня Санька обижает!

– Скажи ему, уши оторву.

– Угу. – Довольный мальчонка скрылся в сенях.

Илья вздохнул:

– Дети. Сколько с ними маеты, а иначе нельзя. Без них семьи нет.

– Помощники.

– Да уж. Еще вели бы себя смирно. А то так разбалуются, что голова кругом.

Николай улыбнулся:

– На то они и дети. У них сейчас самая счастливая пора. Мамка с батькой накормят, напоят, обогреют и защитят. Играйся вволю. Для них все в радость.

– Подрастут, будет радость, когда пахать, сеять, жать, за скотиной смотреть надо. Свои детишки народятся. Да, не дай бог, война еще. Эх, верно говорят, жизнь прожить – не поле перейти!

– Ладно, Илья, пойду я к себе. Дождь, слава богу, кончился, хозяйством займусь. Хлев почистить надо, дверь в амбар подправить.

– В хозяйстве, оно так, без работы не останешься. Вечером заходи, будет время.

– Зайду узнать, как Кирьян новость о делах Лешки воспринял.

– Давай!

Николай поднялся.

– Дышится легко, хорошо. Пошел я. – Он вернулся к себе, отпустил Ольгу проводить Екатерину и занялся работой по хозяйству.

Она вернулась быстро. Муж только закончил править дверь и присел на бревно.

– И как Катька? – спросил Грудов.

– Лучше. Лешка с утра все по дому делал, сына подносил кормить, в избе прибрался. Приходил брат, но Алексей успел занавески задернуть, и Глеб не видел Катерины.

– А чего приходил-то?

– Знамо чего. Лешка в доме отца должен быть. Надо и могилу копать, и двор приготовить. У Рыбановых везде порядок. Но похороны – дело хлопотное. В общем, увел Глеб Лешку. Катька меня просила позже подойти.

– Зачем?

– За дитем присмотреть. Встать-то она еще не может.

– А Анастасия пошла в дом Рыбановых.

– Я бы тоже пошла, да за Федькой смотреть надо. В доме Ефрема сейчас баб полно. К погребению, поминкам все подготовить надо. Похороны завтра.

Николай кивнул:

– То понятно. Третий день после смерти. Ты мне одежду чистую приготовь, рубаху новую. Да и себе тоже. Чтобы не хуже других были.

– Приготовлю. Я сейчас отвар Катьке сделаю и пойду к ней.

– Я овином займусь, а потом проведу Колбина.

– Вы как братья, не разлей вода.

– Мы и есть братья, пусть и не по крови.

– Ну и ладно.

Под вечер Грудов вновь пришел к Колбину.

Мужики устроились на завалинке, и Николай спросил:

– К Кирьяну ходил?

– Ходил.

– Ну и чего он?

– Ругался. Хоть и должна баба во всем подчиняться мужику, но калечить ее нельзя. То, мол, против закона. Кирьян сказал, что если бабы шума не поднимут, то и он промолчит. Ну а коли узнают в деревне о том, что Лешка натворил, то придется докладывать уездному исправнику.

– Понятно.

– Чего тебе понятно? Завтра похороны, потом работы в поле закончить надо, в огородах посадить картошку, огурцы. Так неделя и пройдет. Может, за это время Катька и поднимется. Тогда и повода у баб шума подымать не станет. Болела Катька, и все дела. А слухи, то пустое.

– Ходила Ольга к Катьке, – сказал Николай. – Говорит, лучше ей стало. Завтра не получится, а послезавтра снимет повязки. Мазь заживит раны, а синяки за неделю сойдут. Да и что в них? Вдарил мужик бабу за дело. Эка невидаль. Конечно, Лешку осудят в деревне, да так, по-свойски. А потом не до того будет. Старики говорят, что, по приметам, следует ждать знойного лета без сильных дождей. Значит, на одном поливе в огороде спину сломаешь.

– Ничего, не в первый раз.

– Так-то оно так. Вместе выдюжим.

Крестьянский быт того времени опирался на строгие устои общинного проживания. Верховенство коллективного интереса над личным являлось нормой крестьянской жизни. Селяне добровольно и бескорыстно помогали друг другу во всякой срочной и большой работе.

Возглавлял общину выборный староста, самый уважаемый в поселении человек, как правило, зажиточный крестьянин. Главные вопросы общинной жизни решались на сходах. В них принимали участие все хозяева дворов, пользовавшиеся долей общинной земли. Сходы собирались по мере надобности. Решение по важным вопросам, таким, как передел земли, раскладка податей, исключение из общины, являлось правоммерным при голосовании за него двух третей присутствующих. По второстепенным моментам достаточно было простого большинства.

Русская крестьянская община была частью известной триады: «православие, самодержавие, народность». Православный народ любит царя, тот отвечает ему взаимностью и беспокоится о нем. Все почитают традиции. Народность понималась как необходимость соблюдения русских обычаев и отвержение иностранного, чуждого влияния.

19 февраля (3 марта) 1861 года в Петербурге император Александр Второй подписал манифест «О Всемиловитейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и «Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости».

В Москве, Петербурге и некоторых других городах манифест был обнародован 5 марта по старому стилю. В остальных местах это произошло в течение марта того же года.

В целом реформы шестидесятых-семидесятых годов девятнадцатого столетия сохранили традиционное устройство сельской жизни. При этом они внесли в него немало нового, особо для бывших помещичьих крестьян. Общины постепенно преобразовались в сельские общества. Несколько таковых, составлявших единый церковный приход, объединялись в низшую административную единицу – волость.

Общины продолжали существовать. Жизнь в селах и волостях была основана на полном крестьянском самоуправлении.

Реформы воспринимались везде по-разному и воплощались в реальность непросто. Но они несомненно позитивно повлияли на жизнь всех сословий великой России.

Так что уверенность Николая Грудова в том, что община переживет засуху, имела под собой полное основание. Гарантией тому являлись солидарность и взаимопомощь крестьян в трудные времена.

Настал день похорон Ефрема Рыбанова.

С утра в Ютешу пришел священник. Пока он отпевал усопшего, возле дома собрались все селяне. Ровно в полдень мужики вынесли гроб и поставили его у дома для прощания. Бабы заголосили. Затем похоронная процессия двинулась к кладбищу.

Деревенский люд остался у входа. Далее проследовала только родня да мужики, несшие гроб. Они установили его возле могилы, чтобы близкие простились с покойным.

Сыновья подвели к гробу Анну. Она едва держалась на ногах, поцеловала мужа. После нее это сделали сыновья Глеб и Алексей, дочь Зоя.

Мужики опустили гроб в могилу. Анна и дети бросили на крышку горсти земли, за ними то же самое проделали родственники со словами. В яму полетели мелкие монеты. По народному поверью, деньги, положенные в гроб или брошенные в могилу, предназначались для оплаты перехода через огненную реку, ограждающую рай.

Мужики засыпали могилу, соорудили над ней невысокий бугорок. Глеб угостил их. Затем помянули покойного и родственники. Они выпили за помин души, закусили, остатки пищи разбросали на могиле для птиц, в которых вселялись души умерших людей. У ворот кладбища Анна, Глеб, Алексей и Зоя раздали сельчанам пироги, детям – сладости.

Похороны в России всегда завершались поминками. Вернувшись с кладбища, Глеб на правах старшего сына усопшего пригласил односельчан к столу, выставленному у дома. Он разместил за ним первый десяток приглашенных и сам помянул отца.

Потом Глеб вынес из дома полотенце и повесил его на углу у окна. Оно должно было оставаться там в течение сорока дней. Полотенце предназначалось для души умершего Ефрема, которая, по поверьям, сорок дней ходит по своим местам, прилетает к дому и вытирается.

Поминки шли своим ходом. Сельчане, почтившие память покойного, вставали из-за стола. Их места занимали другие люди.

Глеб подошел к священнику, собравшемуся в Сарду.

– Батюшка, погодите!

Отец Димитрий повернулся к старшему сыну покойного.

– Слушаю тебя, Глеб.

– Известно, отче, что молитва облегчает участь грешной души за гробом, помогает ей избежать адских мучений.

– Это так, Глеб. Потому молитесь.

– Будем молиться и неуклонно соблюдать обряды. Никакого дела не начнется без молитвы.

– Правильно. Ты, я вижу, желаешь заказать сорокоуст – обедню с поминанием усопшего в продолжение шести недель?

– Да, отче.

– Зайди в церковь. Имя твоего отца будет внесено в годовое поминовение.

– Я так и сделаю, отче! Может быть, попросить кого отвезти вас домой?

– Не стоит, Глеб! Погода, слава Господу нашему, хорошая, путь недолгий, дойду.

– Благослови, отче.

Отец Димитрий перекрестил Глеба и пошел по улице.

– Ванька, поди сюда! – подозвал к себе старший Рыбанов соседского мальчишку.

– Чего, дядя Глеб?

– На тебе сахарку.

– Спасибо.

– И позови сюда брата моего, дядьку Алексея, ладно?

– Ладно. А где он?

– У поминального стола.

– Угу, я быстро.

Вскоре Алексей подошел к брату, весь какой-то испуганный, настороженный.

– Звал, Глеб?

– Звал. Ты вот что, брат. Сам в дом отца приходи, но Катьки твоей с дитем чтобы тут не было. Чужие они нам. Понял?

Алексей посмотрел на Глеба и спросил:

– А твоя семья, значит, матери нашей не чужая?

– Смотрю, осмелел ты в речах.

– А ты вдарь. Ну!.. Не в первый раз. Я же слабак, а ты сильный. У меня прав никаких.

Они только у тебя.

– Не нарывайся, Лешка!

– И ты не нарывайся. А с кем мне в дом родительский ходить, одному или с семьей, решать не тебе.

– Ну, гляди, я предупредил.

– Да иди ты!..

Алексей повернулся и пошел к своей избе.

Вечером пришла Ольга, сняла повязки, осмотрела тело Екатерины и сказала:

– Ну, слава богу, раны заживают. Давай-ка встань.

Екатерина приподнялась, присела на край постели, резко выдохнула, встала и пошатнулась.

Ольга удержала ее и спросила:

– Что, голова кружится? Постой, привыкни. Все пройдет.

– Да, проходит.

– А ну-ка иди ко мне.

Екатерина сделала шаг, второй, улыбнулась:

– Хожу!

– Конечно! А чего не ходить, коль ноги целы. Вот попьешь еще отвара, окрепнешь. Теперь тебе больше ходить надо. Молоко не пропало?

– Нет. Недавно кормила Федьку.

Ольга взглянула на Алексея и осведомилась:

– Муж помогает?

– Мне его помощи не надо. Сама как-нибудь управлюсь.

– Это ты, Катька, из головы выкинь. Вы пред Богом муж и жена. Алексей покался, значит, ты должна простить его и жить дальше. Если не в любви, то хоть в согласии.

Екатерина промолчала, присела на скамью и спросила:

– Может, мне попариться в печи?

В большинстве крестьянских семей сохранилась такая вот древняя традиция. Печь протапливали, выметали, стелили солому и залезали внутрь. Там стоял жар, и нагревалась вода.

– Нет, рано, – ответила Ольга. – А то раны откроются. Обмойся, но в печь не лезь. И ходи побольше. – Знахарка строго взглянула на Алексея и добавила: – А ты, муж, помогай жене во всем.

– Так я, конечно, подмогу.

– Ну и ладно. Больше мне здесь делать нечего.

– Как мне отблагодарить тебя, Ольга? – спросил Алексей.

– Свои люди – сочтемся. Живите в мире.

Ольга ушла, Екатерина взяла сына на руки, прижала к груди.

– Никому тебя не отдам, милочек ты мой.

Она покормила ребенка, передала его Алексею и сказала, чтобы он положил младенца в зыбку. Потом женщина легла на полати, а мужу указала на лавку.

– Может, я с тобой, Катя? – спросил он с надеждой.

– Забудь про то, – резко ответила Екатерина.

Как это ни странно, но в деревне никто, кроме Грудовых, Ильи Колбина и старосты Кирияна, так и не узнал о том, что Алексей Рыбанов зверски избил свою жену. Спустя неделю Екатерина уже занималась хозяйством. Муж работал в поле. Вдова Анна пыталась свести сыновей, но Глеб ни в какую не желал мириться. Впрочем, открытой вражды между ними не было.

Крестьяне закончили полевые работы, взялись за огороды. Жизнь в Ютеше протекала спокойно, мирно.

Так продолжалось до 17 мая, когда деревню облетела весть о том, что ночью тайно бежала из дома Екатерина, жена Алексея Рыбанова. Она забрала с собой свой нехитрый скарб и сына Федора.

Шум поднял Алексей, прибежавший спозаранку к Николаю Грудову.

Тот услышал сильный стук в дверь и вышел на крыльцо.

– Ты, Лешка? Ну и чего опять у тебя случилось? Или снова изуродовал жену?

– Нет, Никола, хуже!

– Убил? – выкрикнул Николай.

– Сбежала Катька вместе с сыном.

– Как это сбежала? Врешь!

– Вот те крест, Никола.

На шум на крыльцо вышла Ольга.

– Чего тут у вас?

– Беда, Ольга, – сказал Алексей. – Бросила меня Екатерина, сбежала с дитем.

– Когда?

– Так ночью, когда же еще?

– И ты не слыхал, как она собиралась, из дома выходила?

– Если бы слыхал, то остановил бы. Вчера все как всегда было. Поужинали вместе, во дворе посидели. Стемнело, спать легли. Я на лавку. Не допускала до себя Катька, как ни просил. А проснулся, гляжу, нет ни жены, ни сына.

– Дела, – проговорил Грудов. – Не простила она тебе обиду, Лешка.

– Но разве можно так?

– Нельзя, но ты сам виноват. От нас-то чего хочешь?

– Катька не иначе как в Демидовку подалась. Там изба родительская. Больше ей идти некуда. Давай, Никола, доедем до Демидовки. У меня лошади своей нету, на работы у Глеба брал.

Николай сплюнул и заявил:

– У меня без тебя дел нет, да? Ступай к старосте Кирьяну, пусть он разбирается в ваших делах. Ему положено, а у меня...

– Помоги, Николай! – взмолился Лешка. – Кирьян расспросами замучает, а мы если поспешим, то, может, по дороге перехватим Катьку.

Ольга тронула мужа за руку:

– Помоги, Коля.

– Да? Ну ладно. Только это, Лешка, в последний раз. Надоел ты мне со своей семейной неразберихой.

– В последний, обещаю.

Николай запряг лошадь. Алексей запрыгнул в телегу, и они покинули деревню. Ехали быстро, чем привлекли внимание сельчан. Бабы тут же прознали про бегство Екатерины.

Глеб услышал об этом от соседа.

– Вот и ладно, – сказал он. – Баба с возу, кобыле легче. Даст бог, не вернется. Из-за нее, проклятушей, в семье раздор.

Поступок Екатерины осуждали все сельчане. Как бы то ни было, но жена обязана подчиняться мужу. Кто-то требовал примерно и прилюдно наказать беглянку, чтобы не позорила мужа.

Ольга молчала. Она знала, что стало причиной бегства молодой женщины, но, как и все, осуждала Екатерину.

Между тем поездка Грудова и Рыбанова ничего не дала. В Демидовке Екатерину не видели. Осмотр избы показал, что в нее давно никто не входил.

В Ютешу Николай вернулся один.

Его встретил староста Кирьян и спросил:

– Ну и как поездка? Нашли Катьку?

– Нет. В Демидовке ее не было.

– А где Алексей?

– В Перово подался.

– В уезд? Зачем?

– Сказал, что пойдет к полицейскому исправнику и попросит, чтобы тот учинил розыск сбежавшей жены.

– Позор-то какой!

– Да уж, Кирьян, Лешке не позавидуешь. Его и раньше в деревне за мужика не держали, а теперь и вовсе со света сживут. Глеб в этом первый помощник.

– А кто такой Глеб, чтобы законы нарушать? И баб успокоим. Лишь бы беды какой не случилось. – Староста вздохнул и заявил: – Скоро становой пристав объявится, захочет узнать, что к чему. С людьми говорить будет. Гляди, Никола, он о битье Катьки прослышать не должен. И Ольгу предупреди.

– За то не переживай, не подведем.

– Эх, и что за жизнь пошла? Бабы от мужей бегут. Меньше их в город возить надо. А то насмотрятся на тамошних барышень, вот в башках дурные мысли и рождаются.

– Так Лешка и сам в город не ездил, и жену туда не возил.

– Да я вообще!..

– Тут ты прав, конечно. Ладно, поехал я. Дома забот хватает, и так время зазря потерял.

– Езжай и помни уговор насчет пристава.

– Если он еще приедет.

– Приедет. Не каждый день такое происходит, когда исчезает баба с ребенком. – Кирьян нахмурился и проговорил: – А может, Никола, и не было того?

– Чего не было?

– Не сбегала Катька.

– Куда ж делась?

– Может, Лешка прибил ее и дитя, тайком ночью похоронил где-нибудь в поле, а сам и сбежал?

Николай отмахнулся:

– Да ладно тебе, Кирьян. Что он, зверь дикий?

– Ох, чую, нехорошие вести ждут нас. Но ты езжай. Мне подумать надо да к встрече с приставом приготовиться.

Становой пристав приехал ближе к полудню. Особо не усердствуя, он поговорил с соседями Рыбанова-младшего, потом с Глебом, братом Алексея. Кирьян организовал обед для господина пристава, вручил ему котомку с продуктами. Тот привычно, как должное, принял подношение, составил протокол и был таков.

Алексей так и не появился.

А на следующее утро, 18 мая 1868 года, в дверь дома Рыбанова-старшего постучал мальчишка.

Глеб вышел на крыльцо и спросил:

– Чего тебе?

– Вы Глеб Ефремович Рыбанов?

– Да, и что?

– Я из Сарды, меня доктор прислал.

– Зачем?

– Велел сказать, что брата вашего на рассвете нашли мертвым у берега речки Мока.

– Что?.. Алексей утоп?

– Про то не знаю. Доктор еще сказал, чтобы вы подъехали к мостику в овраге.

– Ничего не понимаю. В овраге?

– Да, к переходу. Я все передал. – Мальчишка выскочил со двора Рыбанова и, сверкая пятками, побежал по дороге на Сарду.

К Глебу вышла бабка Анна.

– Что-то случилось, сынок?

– Ты бы лежала, мама.

– На сердце беспокойно, да и воздуха не хватает. А под утро Алексей приснился. В болоте по грудь. А я рядом, на земле твердой. Он руки ко мне тянет, помочь просит, а у меня и сил нет. Надо бы посмотреть, у себя ли он, горемычный. В наш-то дом и не заходит.

Глеб шмыгнул носом:

– Я посмотрю, мама.

– Посмотри, сынок, и помни, он брат твой единокровный.

– Ладно.

Глеб решил лошадь не запрягать, пошел пешком.

В овраге он встретил доктора, знакомых мужиков из Сарды.

– Лешку, брата твоего, поутру пастух здесь нашел, – сказал ему Пал Пылыч.

– Где?

– Недалече от мостка у берега.

– Да как он мог утонуть в речке, где воробью воды по колено?

– Судя по всему, сорвался с мостка и ударился головой о крупный камень, лежащий на дне.

– А как с мостка-то слетел?

– Люди видели его вечером пьяным. Один мужик Лешку в Перово подобрал, прямо у трактира, и привез в Сарду. До дома Лешка ехать не захотел, пошел пешком, а утром оказался в реке.

– Он не пил.

– Раньше. Все когда-то в первый раз случается.

– А тело где?

– Становой пристав увез в Перово.

– Это теперь разбираться будут насчет его гибели?

– Конечно, – сказал один из мужиков. – А вдруг не сам он с мостка слетел, а помог кто?

– Да кому он нужен?

Мужик пожал плечами:

– Кто знает, может, мешал кому-то или обиду нанес. Всякое в жизни бывает.

Глеб прошел по мостику, посмотрел на реку, берег, к которому прибило тело брата, не попрощался и пошел домой.

Мать ждала его на крыльце.

– А чего ты со стороны Сарды идешь? – спросила она. – Или не ходил еще к Лешке?

Глеб присел рядом с ней и сказал:

– Нету больше Лешки, мама. Утоп он в Моке. Тело в Перово. Уездные власти следствие чинить будут.

Анна вздрогнула, открыла рот, но не закричала, схватилась за грудь и повалилась на сына.

– Мама, что ты? Машка!.. – крикнул он в избу.

– Чего? – Жена Глеба выбежала на крыльцо.

– Матери плохо. Помогите в дом внести да беги за Ольгой Грудовой.

– Ага.

Они перенесли Анну в дом, но помощь Ольги не понадобилась. Сердце женщины, не окрепшее после смерти мужа, не выдержало второго сильного удара, гибели младшего сына.

Вскоре в Ютеше прошли еще одни похороны. Анну и ее сына положили рядом с Ефремом. Так за какие-то две недели вымерла половина семьи Рыбановых.

Слова деда Ефрема, сказанные на смертном одре, оказались пророческими.

Екатерина же с сыном словно сгинули. Жители деревни долго судачила по этому поводу. Но разговоры стихли. Не до них стало, когда наступила летняя жара. Надо было биться за урожай, от которого зависела жизнь.

А в столице государства Российского Санкт-Петербурге народ торжествовал. Из Царского Села пришла радостная весть. 18 (6) мая 1868 года, в день праведного Иова Многострадального, Мария Федоровна, супруга цесаревича Александра Александровича, родила сына, будущего императора Николая Второго.

Через неполных два года, 22 апреля 1870 года по новому стилю, в Симбирске, в семье инспектора народных училищ Ильи Николаевича Ульянова, сына бывшего крепостного крестьянина села Андросово Сергачевского уезда Нижегородской губернии, и Марии Александровны, урожденной Бланк, появится на свет сын Владимир. Казалось бы, такие разные события и люди.

Но судьбы Федора Рыбанова, Владимира Ульянова и Николая Романова пересекутся. Этот факт обернется для великой страны страшной, кровавой катастрофой. Довольно скоро, не пройдет и полувек.

Глава 2

Рождение великого князя Николая сопровождалось триумфальным залпом со стен Петропавловской крепости. Пушки ударили ночью и заставили проснуться многих жителей Санкт-Петербурга. По столице мгновенно пронеслась весть о том, что Мария Федоровна, супруга наследника престола, благополучно родила сына.

Наутро радостная весть вырвалась за пределы столичного града. Вся Россия узнала о рождении первенца в семье цесаревича Александра Александровича.

Посетители дорогих ресторанов откупоривали шампанское, в трактирах рекой лилась водка. Все подданные императора Александра Второго радовались данному событию. Во всех церквях зачитывался высочайший манифест, в котором выражалась надежда, что новорожденный великий князь, когда наступит время, посвятит свою жизнь трудам на благо русского народа, как это делали его предки.

Новорожденный получил имя Николай в честь славного государя, своего прадеда. На крестинах внука император Александр Второй объявил амнистию многим заключенным, в том числе и политическим.

Правление этого самого либерального русского царя озаменовано многими делами, полезными для империи. Именно Александра Второго в народе прозвали Освободителем за то, что он отменил крепостное право, сбросил с крестьян цепи рабства. Преобразования, которые произошли в России во время царствования Александра Николаевича, являлись поистине великими реформами, приведшими к настоящему перевороту во всех областях русской жизни.

Финансовые реформы (1860–1864) укрепили и улучшили контроль за оборотом денежных средств, доходами и расходами страны. Был создан государственный банк. Это дало новый толчок развитию торговли и промышленности.

Реформы народного образования (1863–1864) привели к тому, что пять российских университетов – московский, петербургский, казанский, харьковский и киевский – получили большую самостоятельность, возможность жить своей собственной жизнью. Власти лишились права вмешиваться в их дела.

В результате судебной реформы (1864) тоже произошли существенные изменения. В стране появился суд присяжных.

Военная реформа (1861–1874) повысила боеспособность армии. Была введена всеобщая воинская повинность вместо прежнего рекрутского набора, когда призыву подлежал тот молодой мужчина, на которого падал жребий. Срок службы сократился до пяти лет.

При Александре Втором были учреждены земства, органы местного самоуправления (1864). Членов земств избирало само население. Им предоставлялось право решать самые разные вопросы, в том числе и те, которые раньше находились в ведении губернатора или даже министра.

Благодаря реформе цензуры (1865) был ослаблен надзор за печатью.

Государь планировал введение в высшую власть народных представителей. Была подготовлена первая русская конституция.

Но трагическая гибель царя-освободителя не дала этим грандиозным планам воплотиться в жизнь. Яркая ненависть революционеров-террористов не знала границ. Она была слепа и глуха.

Революционеры считали, что реформы, в том числе и отмена крепостного права, слишком мало дали народу. Они не обращали никакого внимания на то, что императору пришлось преодолеть сильнейшее сопротивление знати, особенно помещиков, владевших крестьянами, и вину во всех бедах России в первую очередь именно его.

Террористы многократно покушались на жизнь Александра Второго.

4 апреля 1866 года император закончил обычную прогулку по Летнему саду, вышел за ворота и собирался сесть в коляску. К нему подскочил молодой человек, выхватил револьвер и направил ствол прямо в грудь. Нападение было столь дерзким и неожиданным, что должно было привести к трагедии. Но рядом оказался шапочных дел мастер Осип Комиссаров, который ударил преступника по руке. Пуля прошла мимо.

Террориста арестовали жандармы. Вскоре выяснилось, что это был Дмитрий Каракозов. Он являлся членом тайного революционного общества, возглавляемого его двоюродным братом Николаем Ишутиным.

16 мая 1867 года император с сыновьями Александром и Владимиром по приглашению Наполеона Третьего выехал во Францию на всемирную выставку. 25 мая в честь русского государя на Лоншанском поле был устроен смотр войск. По его завершении Александр и Наполеон, сопровождаемые своими свитами, неспешно и торжественно следовали к городу через Булонский лес.

Императоры сидели в открытой коляске, как вдруг раздался выстрел. По случайному стечению обстоятельств пуля угодила в лошадь французского шталмейстера.

Преступника схватили. Это был польский эмигрант Антон Березовский.

Третья попытка убить императора России была предпринята 20 апреля 1879 года. В десятом часу утра государь совершал прогулку. Он прошел по Миллионной, Зимней канавке и Мойке, повернул на площадь Гвардейского штаба. Навстречу шагал молодой человек в чиновничьей фуражке.

Государь интуитивно почувствовал опасность, обернулся, увидел в руках незнакомца револьвер и рванулся к Певческому мосту. Террорист сделал пять выстрелов, прежде чем его схватили. К счастью, он не попал в императора. Покушение устроил бывший студент петербургского университета Александр Соловьев, принадлежавший к подпольному социалистическому кружку. Оно, как выявило следствие, было его личным делом.

Неудачи вызывали у революционеров недовольство. Ненависть к царю росла и становилась для некоторых навязчивой идеей. В результате в августе того же года смертный приговор императору вынес исполком террористической организации «Народная воля», не имевшая к простому народу никакого отношения. С этого момента действия против Александра Второго приняли более организованный и жесткий характер.

В декабре 1879 года террористы устроили взрыв на пути следования царского поезда из Ливадии в Москву. Дьявольский замысел вновь был разрушен случаем. Бомба сработала не под императорским поездом, а под тем, на котором следовала свита.

Государь остался жив, но понимал, что с каждым новым покушением надежды на спасение становится все меньше. Члены семьи просили его переселиться в Гатчину, но он наотрез отказался покинуть столицу, даже изменить маршруты своих ежедневных прогулок и не посещать воскресные парады гвардии. Император считал недостойным прятаться от пули оголтелых мерзавцев.

Да, Александр Второй был сильным и смелым человеком, но теперь он даже во дворце не мог чувствовать себя в безопасности. Это подтвердили дальнейшие события.

5 февраля 1880 года в половине седьмого вечера государь, окруженный семьей, беседовал в Зимнем дворце с принцем Александром Гессенским, братом императрицы, и его сыном. Тут-то и прогремел взрыв, потухли огни. Дворец заполнил горький и душный запах.

Император понял, что это очередное покушение, и приказал тут же провести следствие. Оказалось, что было взорвано несколько пудов динамита под помещением главного караула. Погибли восемь солдат, около пятидесяти получили ранения. Террористы рассчитывали, что взрыв разнесет вдребезги царскую столовую, где как раз в это время должен был обедать император со своими родственниками. Но все они задержались на полчаса. Впрочем, взрывчатки не хватило для разрушения трех этажей крепкой дворцовой постройки.

Через несколько дней после взрыва Александр Второй созвал в Зимнем дворце чрезвычайное совещание. В Петербург был вызван боевой генерал, герой последней войны с турками, покоритель Карса, граф Лорис-Меликов. Последний год он служил харьковским генерал-губернатором и весьма успешно боролся с революционерами.

Император поставил его во главе Верховной распорядительной комиссии, обладавшей весьма широкими, практически неограниченными полномочиями. Александр Второй видел в графе Лорис-Меликове «твердую руку», способную навести порядок в стране. Он поручил ему подготовить план активных действий не только по вопросам, касающимся земств, городов, финансов и административно-хозяйственной деятельности правительства, но и по жесткому противодействию терроризму. Граф приступил к работе.

В это же время народовольцы готовили очередное, шестое по счету, покушение на царя. Акция планировалась на 17 августа 1880 года в районе Каменного моста, по которому император проезжал, возвращаясь из Царского Села в Зимний дворец. Взрывчатка была заложена, все готово. Андрей Желябов и Макар Тетеря должны были взорвать мост, как только царская карета въедет на него.

Тетеря банально опоздал на несколько минут. Счастливая случайность и на этот раз спасла жизнь Александра Второго. Но когда-то везению приходит конец. Роковая для российского императора минута неуклонно приближалась.

Осень 1880 года выдалась ненастной. Сентябрь недолго баловал петербуржцев теплой солнечной погодой, с октября же зарядили непрерывные дожди.

В квартире, снимаемой на чужое имя Софьей Львовной Перовской, было промозгло. Только огонь, пылающий в камине, создавал какой-то уют в небольшой гостиной. Шел десятый час вечера, а ее соратника и любовника Андрея Желябова все не было. Софья часто подходила к окну, смотрела на улицу, но никого не видела. Оттого тихий условный стук в дверь прозвучал громче колокольного набата.

Двадцатисемилетняя женщина прошла в прихожую.

– Кто?

– Я, – ответил мужской голос.

Перовская открыла дверь. Вошел Желябов, обнял Софью, поцеловал.

– Прости, задержался.

– А мне какво, Андрей? Какие только мысли не лезли в голову. После предательства Гольденберга нас ищет вся полиция Санкт-Петербурга.

Желябов улыбнулся:

– Ну прямо-таки и вся? Ей что, кроме нас забот не хватает? Слышал, вчера на Троицкой семью купца вырезали...

Но Перовская прервала любовника:

– Потом расскажешь, раздевайся. Промок весь, наверное?

– Нет, только макинтош.

– Снимай, повешу просушиться. Ты голоден?

– Нет, Соня, перекусил в трактире.

– Ну и ладно. Я, признаться, ничего и не готовила.

– Как всегда.

– Ты упрекаешь меня? – спросила Перовская, прижимая к себе мокрый макинтош Желябова.

– Нет, – кратко ответил Андрей и прошел в гостиную. Присел на стул у камина, протянув руки к огню.

Софья развесила в коридоре верхнюю одежду Желябова, вернулась и села на кровать, занимавшую почти половину комнаты. В квартире были еще спальня и кабинет, но хозяева

снесли туда старую мебель, всякую рухлядь, выбросить которую все же жалко. Но Андрею и Софье хватало одной комнаты. На этой строго законспирированной квартире никто, кроме Желябова и Перовской, не появлялся. Даже хозяева, которым было уплачено за полгода вперед.

– Так что произошло на Троицкой? – напомнила Софья.

– Семью купца кто-то вырезал прямо среди бела дня. Разбойники зашли в магазин, закрыли дверь, прикончили работника. Купец с женой и двумя детьми в то время находились наверху. Бандиты поднялись в жилую часть дома. Судя по тому, что они вскрыли все тайники, купца перед смертью пытали. Говорили, труп его сильно изуродован был. А после зарезали жену и дочерей...

Перовская вновь прервала Желябова:

– Это не важно. Грабители добились своего. Они взяли драгоценности, деньги, вещи и убрали свидетелей.

– И ты говоришь об этом так спокойно?

– Нет, Андрей, не спокойно. Почему-то у каких-то мужиков все проходит как по маслу, а мы терпим одну неудачу за другой. Неужели эти живодеры умнее нас?

– Ты сравнила! Кого проще угробить, купца или императора?

– Все равно меня бешенство одолевает, когда я вспоминаю, как бездарно мы провели два последних покушения. А ведь задумано было неплохо. Сняли дом у железной дороги, прорыли подкоп под рельсы, уложили динамит. А в результате? Взорвали поезд со свитой. Почему? Потому что, видите ли, под вторым взрыватель не сработал. А сколько усилий мне потребовалось, чтобы через своих знакомых устроить во время ремонта в Зимний дворец Степана Халтурина? С каким риском наш паркетных дел мастер пронес во дворец взрывчатку! Но даже без динамита у Халтурина был случай одним ударом убить императора. Ведь он же отделывал пол в его кабинете, оказался один на один с Александром. Что проще? Зайди сзади да проломи череп царю. Все! Ан нет, не смог Халтурин. Сделал, что было поручено, и ушел. Вот скажи мне, Андрей, почему он не нанес этот удар? Ведь Степан добровольно шел в Зимний, знал, что ему предстоит убить царя. Более того, он говорил, что лишить тирана жизни должен человек из народа. А представилась возможность, и Халтурин не воспользовался ею. Почему?

– Думаю, свою роль сыграла неожиданность. Степан не знал, что окажется наедине с императором. И потом, тебе хорошо известно, что Александр весьма обходителен и добр по отношению к простым людям. Вот и дрогнул Халтурин, когда царь просто улыбнулся ему, сказал какое-нибудь приветливое слово, похвалил работу.

– Ладно, это возможно, все-таки Халтурин недавно вступил в организацию. Но взрыв!.. Почему не рухнули стены Зимнего?

– А что толку, если и рухнули бы? Императора в то время в столовой не было.

– Вот именно. Но если бы и был, то все равно не пострадал бы.

– Только напрасно погибли солдаты караула.

– Что? – воскликнула Перовская. – Ты сказал «напрасно»? Тебе жаль их?

– Но они-то в нашей борьбе люди случайные. Тот же народ.

Перовская резко встала, по лицу ее пробежал нервный тик.

– Народ? А как ты думаешь, Андрей, эти солдаты пожалели бы тебя, получи они приказ на твой расстрел? Отказались бы убивать?

– Что ты завелась, Соня? Не кричи, соседи услышат.

Софья сбавила тон:

– Нас не жалеют, и мы никого щадить не будем. Только террор, кровь, смерть проклятого императора дадут нам шанс изменить существующий строй.

– Но ты же знаешь, Соня, умрет Александр Второй, трон перейдет к его сыну. Уйдет один царь, это место займет другой.

– Так будет до тех пор, пока мы не изведем все их племя или не заставим отречься от престола. Но почему у тебя какое-то упадочное настроение, Андрей?

– Вовсе нет, Софьюшка. Просто ты слишком возбуждена.

– А все потому, что меня выводят из себя, бесят провалы и неудачи. А тут еще предательство Гольденберга.

– Не обращай внимания. Его арестовали год назад. Да, он видел многих. Суд над шестнадцатью нашими единомышленниками прошел недавно. Да, Квятковского и Преснякова казнили, но мы-то с тобой и наши товарищи по борьбе целы!

– До поры до времени. Ты скажи, почему Гольденберг так легко выдал всех?

Здесь необходимо пояснение. Григорий Давыдович Гольденберг (1855–1880) активно участвовал в террористической деятельности после знакомства с Александром Михайловым, членом исполкома «Народной воли». Он принимал непосредственное участие в убийстве харьковского губернатора Кропоткина. Именно Гольденберг 9 февраля 1879 года смертельно ранил его, после чего скрылся. Он был замешан и в подготовке подрыва императорского поезда в октябре 1879 года под Москвой.

В ноябре того же года Гольденберг был отправлен из Москвы в Одессу за динамитом и арестован на обратном пути. Настоящие имя и фамилию он скрывал, представлялся тульским потомственным почетным гражданином Степаном Петровичем Ефремовым. Но вскоре личность его была установлена.

По требованию одесского генерал-губернатора графа Тотлебена Гольденберг был перевезен в этот город. Там он признался в убийстве князя Кропоткина, сказал об участии в подготовке покушения на императора.

13 апреля Григорий был доставлен в Петербург и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. В ходе беседы с Лорис-Меликовым и товарищем прокурора Добржинским он дал обширные показания против главных деятелей «Народной воли» – Желябова, Михайлова, Перовской, Плеханова, Морозова, Кибальчича и других. На основании его показаний были арестованы и привлечены к суду многие народовольцы.

Гольденберг осознал, что натворил, впал в отчаяние и 15 июня 1880 года повесился в тюремной камере на полотенце.

– Григорий просто трусил, так как являлся человеком эмоций, да еще и не умел ими управлять, – заявил Желябов. – Он поверил Лорис-Меликову и Добржинскому. Помнишь, что Григорий написал в своей исповеди?

– Как же, помню! Он рассчитывал, что сдаст всех, а правительство в ответ не станет прибегать к смертным казням. У нас будет конституция, свобода слова, амнистия. Настанет время разумно развиваться, учиться. Все обретут счастье. – Перовская скривилась. – Чушь полнейшая. Бредни идиота. Он, видите ли, рассчитывал на милость власти, а мы сейчас потеряли товарищей, должны скрываться, просчитывать каждый свой шаг. Уж лучше бы наш благодетель повесился сразу после ареста. Удивляюсь, как у него смелости хватило выстрелить в Кропоткина. А может, это и не он стрелял, а Кобылянский, с которым Гольденберг выходил на дело?

– Нет, стрелял Гольденберг.

– Удивительно.

– Говорю же, человек эмоций. Они вели его к подвигу и предательству.

– Хорошо, что сейчас у нас нет таких эмоциональных идиотов.

– Ты права. Нам и одного Гольденберга вполне хватило.

Дождь за окном усилился и громко барабанил по стеклу. Дрова в камине прогорели. Желябов бросил туда еще несколько поленьев, и огонь запылал с новой силой.

Андрей сел рядом с Перовской и сказал:

– Ничего, Софушка, рано или поздно, но мы покончим с Александром. Я сегодня встретился с Игнатом Гриневицким. Его люди, следящие за передвижением императора, установили, что после взрыва в Зимнем дворце Александр регулярно выезжает только на смену караула в Михайловском манеже и для встречи со своей любимой кузиной во дворец великой княгини Екатерины Михайловны. Возвращается он по Невскому проспекту и Малой Садовой либо, что происходит реже, по набережной Екатерининского канала.

– Ну и что?

– А то, Софушка, что этим нам и следует воспользоваться. Я и задержался потому, что ездил смотреть одно очень удобное для нас помещенье.

– Что за помещенье?

– Полуподвальное, вполне пригодное для того, чтобы из него сделать подкоп под проезжую часть Малой Садовой.

– Заложить в подкоп динамит и подорвать его, когда карета окажется в нужном месте, так?

– Да.

– А если?..

На этот раз Желябов прервал Перовскую:

– А если опять не замкнется электрическая цепь взрывателя, в действие вступят металлические бомбы. Случится так, что они промахнутся, тогда я лично убью императора. Прыгну в его карету и зарежу ножом.

Перовская с восхищением посмотрела на него.

– Ты самый лучший человек на всей земле, Андрей.

– Я обычный, Соня, как все, как любой из нас.

– Мы – люди цели. А мудрец говорил, что цель оправдывает средства.

– Это фраза Никколо Макиавелли и девиз иезуитов.

Софья улыбнулась:

– Мы же не такие грамотные, как некоторые.

– На что ты намекаешь, Софушка?

– Ни на что.

– Нет, погоди. Я сказал что-то смешное?

– Да нет же, Андрей.

– Это кто говорит о безграмотности? Ты? Внучка последнего украинского гетмана Разумовского и дочь генерала, губернатора Санкт-Петербурга? Ты получила хорошее домашнее образование, окончила женские курсы. У тебя диплом народной учительницы. А вот меня, выходца из крепостных крестьян, чтению учил Гаврила, дед по матери.

– А как же юридический факультет Новороссийского университета в Одессе?

– С которого меня погнали как неблагонадежного через два года после поступления. Но ладно, что-то наш разговор пошел не в то русло.

– Но нельзя же все время только о делах говорить.

Желябов встал с кровати, прошел до окна, посмотрел на улицу.

– Дождь успокоился. Идет по-осеннему тихий, мелкий. Знаешь, Соня, я хотел задать тебе один вопрос.

– Ты смущаешься? Отчего?

– Вопрос деликатный, Соня, возможно, даже неуместный.

– Да прекрати, Андрей! Не чужие. Спрашивай, что хотел. Что замаялся?

Желябов повернулся к любовнице:

– Ты, Софья, никогда не хотела создать семью, нарожать детей и жить спокойно?

Перовская от души рассмеялась:

– Что? Семью, детей, спокойную жизнь? Ну ты даешь, Андрюша. – Она тут же посерьезнела и проговорила: – Во-первых, если бы я хотела создать семью, то давно уже вышла бы замуж. Папенька подобрал бы мне достойную пару, и жизнь моя была бы обеспеченной и спокойной. Во-вторых, я не переношу детей. Они вызывают у меня раздражение, особенно маленькие, сопливые, капризные. В-третьих, Андрей, спокойная жизнь не для меня. Я создана для борьбы. В ней и моя любовь, и моя семья, и мои дети.

– Мне казалось, что каждый человек, особенно женщина с ее материнским инстинктом, хочет иметь семью и детей.

Перовская скривилась и проговорила:

– Вот-вот, именно казалось. А что же сам-то бросил семью? Ведь насколько мне известно, ты женат на некой Ольге Яхненко и сын у тебя есть.

– Да, формально женат и сын есть.

– Где они сейчас?

– Не знаю. Где-то в Киевской губернии.

– Так найди их, только перед этим попросись на прием к Лорис-Меликову, покайся в грехах, передай ему наши планы, адреса конспиративных квартир. Он за тебя императора попросит. Тот милостив, простит, прикажет отпустить за такие-то заслуги. Найди свою Ольгу с отпрыском. Кстати, сколько ему сейчас лет?

– Шесть.

– Мал еще, не осудит, потому как не понимает ничего. И живи спокойно с семьей. Без работы не останешься, в агенты подашься. Люди с твоим опытом охранке ой как нужны.

Желябов подошел к Перовской.

– Ты, Софья, говори, да не заговаривайся. Я раньше тебя начал революционную деятельность и сделал больше в борьбе с самодержавием. Я не Гольденберг, чтобы предавать товарищей. Лучше на плаху пойду.

– Андрей, прости, я погорячилась. Но и ты больше не задавай провокационных вопросов. Мы делаем одно великое дело, живем вместе. Наши личные отношения вполне естественны. Я даже люблю тебя, но семьи у нас не будет. – Перовская поднялась, обняла Желябова. – А не выпить ли нам шампанского, Андрей, перед тем как лечь в постель? Вино расслабит нас, изгонит плохие мысли. Все будет хорошо. Я соскучилась по тебе.

На следующий день Желябов ушел рано. У него была назначена встреча на углу Невского проспекта и Малой Садовой. Его уже ждали мужчина и женщина, самая обычная семейная пара, вышедшая на улицу по своим делам. Это были народовольцы Юрий Богданович и Анна Якимова-Диковская.

Желябов пожал руку мужчине, улыбнулся женщине.

– Вы прямо как муж и жена.

– Стараемся, Андрей Иванович, играть свою роль. Только пока непонятно, зачем это нужно.

– Объясню. Для этого я и пригласил вас сюда. Взгляните на окна полуподвального помещения углового дома.

– И что?.. – осведомился Богданович, посмотрев в указанном направлении.

– Хорошее место для открытия, скажем, сырной лавки, да?

– Почему сырной? – спросила Якимова.

– Да это я так, для примера. Можно и мясную лавку открыть или скобяную.

– Но зачем?

Желябов отвел товарищей в сторону.

– А теперь слушайте. Вам надо снять это помещение.

Богданович хотел что-то спросить, но Желябов жестом остановил его.

– Задумка такая. Вы арендуете помещение, устраиваете в нем сырную лавку. Закупаете товар. Как только обоснуетесь, мы из этой лавки начнем рыть подкоп под проезжую часть Малой Садовой. По этой улице царь каждое воскресенье возвращается в Зимний из Михайловского дворца. В конце подкопа заложим мину и подорвем, когда карета окажется над взрывчаткой.

– Но, Андрей, мы с Анной не знаем, как взрывать мины, – сказал Богданович.

– А от вас этого и не потребуется. Подрыв проведет другой человек, специалист. Вам надо первым делом арендовать помещение, быстро переоборудовать его, открыть торговлю. Надеюсь, это не составит для вас особого труда?

– Ты хочешь, чтобы мы сняли лавку на свои фамилии? – спросила Якимова.

– Ну что ты, Анна, это же смерть для вас. Конечно нет. На квартире Веры Фигнер и Григория Исаева получите паспорта и станете супругами Кобозевыми. На эту фамилию и оформите сделку. Деньги также получите от Фигнер. Ну а как откроетесь, начнем рыть подкоп. С хозяином подвала поторгуйтесь для вида, но не усердствуйте. Упустим это помещение, другого такого не найдем. Поэтому всю работу по заключению сделки следует провести сегодня.

– Ты уверен, что царь на этот раз попадет в капкан? – спросила Якимова. – Ему каким-то чудесным образом удастся избежать всех наших ловушек.

– Так было, но больше не случится. Я не уверен, что в последний момент император окажется именно на Садовой, но не сомневаюсь в том, что на этот раз ему не избежать гибели. Я готовлю план, который не оставит ему шанса выжить. Сырной лавке в нем отводится не последняя, но и не единственная решающая роль. Мы предпримем широкомасштабные меры страховки. Впрочем, вам этого знать не надо. Ваша задача – снять помещение и открыть лавку. Все. Если вопросов ко мне нет, езжайте к Фигнер, оттуда – к хозяину подвала. Повторяю, помещение должно быть арендовано сегодня.

– На какое время? – задал вопрос Богданович. – Ведь хозяин наверняка не станет сдавать полуподвал на месяц. Ему нужен длительный, гарантированный доход.

– Соглашайтесь на его условия. И предоплату внесите за такой срок, какой он озвучит. В общем, помещение сегодня должно перейти к нам.

Желябов попрощался с товарищами и направился к мосту. У него была запланирована встреча с человеком, которого прислал в столицу Михаил Тригони, руководитель «Народной воли» в Одессе. Этот адвокат находился на легальном положении и имел обширную практику. Он выразил желание участвовать в покушении на Александра. С его представителем следовало обсудить ряд вопросов, касающихся приезда адвоката и его размещения.

В это же время Желябов занимался формированием наблюдательного отряда из учащейся молодежи, зараженной идеями революционной борьбы, для слежки за выездами царя. В этот отряд вошли Гриневицкий, Оловенникова, Сидоренко, Рысаков, Тырков, Тычинин. Шесть человек. Руководство ими было возложено на Софью Львовну Перовскую.

Юрий Богданович и Анна Якимова-Диковская справились с полученным заданием. Они без особого труда арендовали полуподвальное помещение. Спустя два дня новоявленные супруги Кобозевы усердно взялись за переоборудование подвала. Это не было трудно при том финансировании, которое организовал для них Желябов.

Уже через две недели на углу Невского проспекта и Малой Садовой улицы появилась вывеска «Сырная лавка». Тогда же к подготовке подкопа приступили сам Желябов, Александр Баранников, Юрий Богданович, Николай Колодкевич, Мартин Ланганс и Михаил Фроленко, который и должен был осуществить подрыв мины. Но до этого еще было далеко, так как рытье подкопа в городе – дело сложное.

Работать приходилось аккуратно. Народоволюты засыпали грунт в мешки, вывозили их, местами укрепляли галерею. Дело продвигалось медленно, но верно. С каждым днем подкоп приближался к центру проезжей части Малой Садовой улицы.

Как-то утром Желябов, не занимавшийся ночью рытьем подкопа, проходил мимо лавки. В стороне он увидел двух степенных мужчин. Они о чем-то переговаривались, глядя на магазин Кобозевых.

Как бы разглядывая витрины соседней лавки, Андрей встал неподалеку от них и услышал:

– Да, странная сделка, Фрол Алексеевич.

– А я о чем, Матвей Петрович? Ставить тут сырную лавку означает заведомо идти на большие убытки. Место не бойкое, торговли нет, вложенные деньги не окупятся.

– Да нам-то какое дело? Лишь бы не мешали.

– А ты не подумал, Фрол Алексеевич, что скоро эти негоцианты поймут, что сыром здесь торговать невыгодно, и займутся мукой, как ты, или бакалеей, как я? Тогда что? Ведь у нас под боком появятся прямые конкуренты. Нам это надо?

– И что ты предлагаешь, Матвей Петрович?

– Полицию на эту лавку натравить, не напрямую, конечно, а через местного дворника Аркашу. Тот за бутылку водки что хочешь сделает.

– И о чем он заявит в полицию, Матвей Петрович? О том, что в сырной лавке торговля не идет? Так его там на смех поднимут да погонят прочь.

Матвей Петрович наклонился к собеседнику, но острый слух Желябова позволил ему слышать продолжение разговора:

– А ты, Фрол Алексеевич, не замечал, что в лавку, особенно вечером, перед самым закрытием, приходят молодые парни?

– Мне больше делать нечего, как смотреть за ними.

– Напрасно. Так вот, появляются они там именно перед закрытием, а уходят утром.

– Как это утром? Они что, всю ночь в лавке сидят?

– Этого не знаю, но уходят утром. У каждого мешок, не самый большой, средний, да видно, что тяжелый. За углом повозка ждет. Они мешки в нее бросают и ходу по Невскому.

– Чего ж они выносят? – удивленно спросил Фрол Алексеевич.

– А вот пусть полиция и выясняет. А ее на лавку наведет Аркаша. Глядишь, преступников врасплох накроют.

– Это мысль, Матвей Петрович. А где Аркаша сейчас?

– Где ж ему быть? У себя, с похмелья мучится.

– Ты подлечи его чарочкой да в полицию отправь. Пусть пока так будет. А потом можно...

Что еще можно предпринять против конкурентов, Желябов слушать не стал, быстро прошел в лавку.

– Здравствуй, Андрей! Что-то ты не такой, как всегда. Случилось чего? – проговорил Юрий Богданович.

– Вы сидите тут безвылазно, а на улице рядом соседи по магазину против вас козни строят.

– Не понял. А чем мы не угодили соседям?

– Нет времени объяснять. Сейчас надо быстро и надежно замаскировать подкоп. Протереть полы, чтобы ни камешка, ни песчинки не было. Вскоре, думаю, сюда заявится полиция.

– Но почему? – встревоженно спросила Анна Якимова, вышедшая из подсобки.

– В полицию поступит донос. Мол, в вашу сырную лавку по вечерам забредают некие молодые люди, которые уходят только утром и выносят мешки с чем-то непонятным, но тяжелым.

Якимова всплеснула руками:

– Нам только этого не хватало. А кто заметил ребят?

– Соседи ваши. В общем, быстро за работу. При полиции не тушуйтесь, держите себя спокойно, с достоинством. Захотят проверить помещения, пусть смотрят. Услышите вопрос о странных людях, изображайте недоумение, мол, ничего подобного никогда не было, все это ложь. Кому она нужна, вы не знаете, но догадаться нетрудно. Если подкоп не найдут, то отвяжутся, ну а углядят... сами понимаете, что будет.

– Да уж понимаем, – мрачно проговорил Богданович.

– За дело! Если успеете управиться до прихода полиции, то Анну отпусти. Незачем двоим попадаться.

– Само собой.

– Давайте, я пошел. Но буду рядом. Погляжу, чем все закончится.

Завершилось все благополучно. Служители полиции пришли к обеду, осмотрели лавку, расспросили Богдановича о подозрительных личностях и ушли ни с чем. Хотя нет, с сыром. От презента они не отказались.

Убедившись в том, что угроза миновала, Желябов направился на квартиру Веры Фигнер. Да, полицейские ушли, но опасность раскрытия тайных планов народовольцев никуда не делась. В любой момент в лавку, попавшую в поле зрения полиции, могли нагрянуть жандармы. С подкопом надо было торопиться.

На квартире Фигнер Желябова ждала вторая за день плохая новость. Народоволец Окладский, помилованный после процесса «шестнадцати», пошел на сотрудничество с полицией. Он сдал две конспиративные квартиры и агента Клеточникова, с таким трудом внедренного в полицию. Последовала череда арестов.

Но самым тяжелым ударом для организации явилось случайное задержание Александра Михайлова, отвечавшего за конспирацию и внедрение в стан противника своих людей. Если прежде конспирация в «Народной воле» соблюдалась безукоризненно и находилась на должном уровне, то теперь ситуация изменилась к худшему. Небрежность в данном весьма важном деле недопустима. Однако она имела место быть, что привело к новым провалам и арестам.

Только благодаря усилиям Желябова и Перовской ядро террористической организации уцелело и продолжало подготовку к покушению на императора. Желябов настаивал на ускорении процесса. Товарищи соглашались с ним, но дело по-прежнему продвигалось медленно.

Впрочем, интерес полиции к сырной лавке, видимо, остыл, так как больше никаких проверок не проводилось. Подкоп был завершен, взрывчатка заложена. Прошла подготовку группа метальщиков бомб, в которую входили студенты Игнат Гриневицкий и Николай Рысаков, рабочий Тимофей Михайлов и выпускник ремесленного училища Иван Емельянов.

Но и правительство, знавшее о подготовке нового покушения, не бездействовало. 27 февраля в номере гостиницы были арестованы Андрей Желябов и Михаил Тригони, приехавший в Санкт-Петербург. Желябова больше года безуспешно искали жандармы по всей России. Он был схвачен с оружием в руках буквально накануне осуществления террористического акта против императора.

Получив известие об аресте Желябова, Перовская впала в растерянность. Подобного провала она никак не ожидала. Софья не находила себе места, страх холодной змеей терзал ее душу. Она была близка к панике, но справилась с эмоциями. Под вечер женщина бросила съемную квартиру, переехала к Фигнер и Исаеву. Там Софья почувствовала себя в безопасности.

На следующий день, 28 февраля, она приняла на себя руководство подготовкой покушения на царя и провела совещание членов исполкома, на котором было решено устроить террористическую акцию первого марта. Кибальчич должен был до завтрашнего утра закончить приготовление метательных снарядов.

Вечером в квартире у Вознесенского моста остались Вера Фигнер, Софья Перовская и «техники», изготовлявшие бомбы, – Николай Кибальчич, Николай Суханов, Михаил Грачев-

ский и Григорий Суханов, любовник Фигнер. В окнах всю ночь горел свет. Вера Фигнер и Суханов кромсали жестянки из-под керосина, Кибальчич отливал свинцовые грузики и заполнял жестянки темной массой. Под утро Перовская ушла с двумя готовыми снарядами. Перед этим она приказала Кибальчичу и Грачевскому доделать оставшиеся два.

Этой ночью Рысакова мучили сомнения и страхи.

Ему не давали покоя жуткие мысли:

«Ведь меня все равно схватят, не на месте покушения, не завтра, так позже. Охранка перевернет все, чтобы найти убийц. И что дальше? Конечно же виселица. Как же не хочется умирать!.. Надо жить, пусть даже в тюрьме, на вечной каторге. А если бежать за границу? Но если даже это и удастся, то свои же не простят подобного. Они где хочешь достанут и убьют. Кругом смерть и кровь».

Гриневицкий же писал текст, который считал своим завещанием. Александр Второй должен умереть. Он обязательно погибнет. Будет много жертв, прольется человеческая кровь, но роскошное дерево свободы требует этих жертв. Закончив, Гриневицкий, в отличие от Рысакова сохранявший спокойствие, подумал: может, написать родным? Попрощаться с мамой? Но он отказался от этой затеи. Нет, если придется умереть, то никто не должен узнать Игнатия Иоахимовича Гриневицкого. Живым же в руки жандармов он не дастся.

К девяти часам утра в квартире на улице Тележной, дом номер 5, собрались почти все, кто должен был принять участие в нападении на царя.

Софья Львовна пришла где-то через полчаса и тут же объявила:

– Андрей арестован, теперь это установлено достоверно.

Следом за Перовской явился Кибальчич и выложил на стол сверток.

– Желябова с нами нет, но мы должны довести наше дело до конца. Вот еще две бомбы. Их немного, но если хоть одна из них достигнет цели, то этого будет достаточно, чтобы покончить с Александром.

Она пригласила всех за стол. На оборотной стороне конверта карандашом начертила план, обозначила на нем Михайловский дворец, Манежную площадь, набережную Екатерининского канала, Малую Садовую улицу, Невский проспект и Большую Итальянскую.

– Сегодня воскресенье. Император поедет на развод караула, а затем – в Михайловский дворец. Если поедет по Малой Садовой, то там его ждет Михаил Фроленко. Богданович покинет лавку за час до проезда царя. Якимова останется там, подаст сигнал о появлении кареты императора и уйдет. Фроленко тоже, если после взрыва не найдет смерть под развалинами. Он знает об этом и готов выполнить миссию до конца. – Перовская поставила крестик на углу Малой Садовой и Невского проспекта, потом продолжила: – Если же царь минует Садовую, то мы должны перекрыть все возможные пути к замку. – Она взглянула на Рысакова: – Николай, вы встанете у Екатерининского сквера.

– Хорошо, – тихо ответил Рысаков.

Перовская перевела взгляд на Емельянова.

– Ваше место на перекрестке Малой Садовой и Невского. Только не подходите близко к кондитерской, где нас не раз видели. Как бы царь ни поехал, он не может миновать угла Итальянской улицы и Манежной площади. Поэтому здесь встанут Михайлов и Гриневицкий. Я же на Михайловской улице буду следить за царским кортежем. Если услышите взрыв на Садовой, бегите туда и действуйте по обстоятельствам. Если же царь проедет в замок, я дам знать об этом. Тогда сходимся на Михайловской, чтобы встретить тирана на обратном пути. У кого есть вопросы?

Вопросов ни у кого не было.

Террористы разобрали бомбы, присели перед дорогой и разошлись по своим местам, определенным планом.

Накануне вечером к императору явился граф Лорис-Меликов с докладом об аресте Желябова.

Александр Второй принял его после ужина.

– Рассказывайте, граф, как взяли этого разбойника.

– Вам, ваше величество, наверняка известны показания покойного Гольденберга.

– Это тот, кто предал своих дружков и повесился в камере?

– Он, ваше величество. Показания Гольденберга сослужили нам хорошую службу. Ведь он обратил особое внимание на Желябова как руководителя террористической организации. Мы тщетно искали его почти два года. Наконец-то я могу доложить, что этот страшный человек в наших руках.

– Как его взяли?

– Агентура сделала свое дело. Желябов пытался оказать вооруженное сопротивление, но был арестован вместе с неким Михаилом Николаевичем Тригони в номере гостиницы.

– А это что еще за птица, Тригони?

– Внешне вполне нормальный человек. На самом же деле руководитель «Народной воли» в Одессе. Приехал в Санкт-Петербург для участия в покушении на вас, ваше величество.

– Господи! – Император перекрестился. – Как же мне надоели эти террористы! Никак не желают жить мирно. А ведь среди них много людей образованных, студентов, интеллигенции, выходцев из достойных семей. Что же с ними происходит? Почему желают смерти мне и, как следствие, самим же себе? Ведь они не могут не понимать, какое наказание ждет их за посягательство на императора. Сколько мы казнили, на каторгу отправили, нет, никак не угомонятся.

– Мы справимся с ними, ваше величество.

Александр Второй махнул рукой:

– Справляйтесь. Что-то еще, граф? А то у меня дела.

– Я хотел бы отметить товарища прокурора господина Добржинского.

– В чем его заслуга?

– В канцелярии градоначальника, куда был доставлен Желябов, он продолжал разыгрывать из себя некоего Слатвинского, по паспорту которого жил. Добржинский же опознал его.

– Выразите от моего имени благодарность товарищу прокурора. Теперь все?

– На сегодня все, ваше величество.

– Не смею задерживать, граф, до свидания.

– До свидания, ваше величество.

Утром рокового воскресенья 1 марта 1881 года градоначальник генерал Федоров собрал у себя всех полицмейстеров и участковых приставов и объявил о том, что главные деятели анархистов Тригони и Желябов арестованы. Но на свободе остаются еще несколько лиц из руководства террористической организации, посему угроза покушения на императора не исключена. Генерал провел инструктаж по действиям полиции на сегодняшний день.

Утром же в Зимний вновь прибыл Лорис-Меликов.

Александр Второй принял его и сообщил:

– Я только что подписал манифест о созыве депутатов от губерний. Он будет обнародован в понедельник и, думаю, произведет хорошее впечатление. Россия увидит, что я сделал все возможное.

– Вы приняли мудрое решение, ваше величество.

– Надеюсь. Но вы зашли не по этому поводу.

– Да, ваше величество. Мною получена достоверная информация, что, несмотря на аресты Желябова и Тригони, террористы, оставшиеся на свободе, не отказались от покушения на вас. Оно должно произойти сегодня.

Александр Второй недовольно поморщился:

– И что вы предлагаете, граф?

– Так как опасность покушения реальна и чрезвычайно велика, я прошу вас сегодня отложить выезд на развод. До следующего воскресенья мы раскроем заговор и нанесем сокрушительный удар по террористам.

– Что? – воскликнул император. – Не ездить на развод? Да на улицах уже народ собирается, в манеж прибудет великий князь Дмитрий Константинович, а я останусь в Зимнем? По городу тут же разнесутся слухи, что император испугался каких-то полоумных студентов.

Лорис-Меликов тихо проговорил:

– Уж лучше слухи, которые полиция быстро пресечет, чем...

Александр Второй отрезал:

– Я не намерен скрываться и что-либо менять в своих планах. Попрошу вас, граф, больше не делать мне подобных предложений.

– Тогда позвольте хотя бы усилить охрану, перекрыть улицы, ограничить присутствие народа на пути вашего следования.

– Вы еще предложите разогнать людей, которые выйдут приветствовать своего государя. Из-за бредовых идей анархистов я должен избегать собственного народа? Тогда какой же я император? Никаких изменений в моих личных планах на сегодняшний день не будет. Вам же, Михаил Тариэлович, я настойчиво советую думать, перед тем как что-то предлагать императору. Вы свободны.

Лорис-Меликов, мучимый нехорошими предчувствиями, вышел из дворца. Он отъехал от Зимнего как раз в тот момент, когда туда прибыл полицмейстер первого городского отделения полковник Адриан Дворжицкий, который занимался размещением полицейских и жандармов непосредственно по постам.

Около полудня к Михайловскому манежу начали съезжаться военные. Конные жандармы были расставлены на Манежной площади, контролировали Казанскую, Малую Садовую и Большую Итальянскую улицы. Народ, всегда стремившийся увидеть своего обожаемого монарха и приветствовать его, собирался на Большой Итальянской улице и Невском проспекте от Гостиного двора до памятника Екатерине Второй. Все ждали государя.

Но Александр Второй все же прислушался к предупреждению Лорис-Меликова. Садясь в карету, он приказал лейб-кучеру Фролу Сергееву ехать через Певческий и Театральный мосты, потом по набережной Екатерининского канала прямо на Большую Итальянскую.

В карете император сидел один. Рядом с кучером устроился ординарец унтер-офицер Мачнев. Вокруг кареты скакали шесть конных казаков лейб-гвардии Терского казачьего эскадрона. Следом в саних ехал полковник Дворжицкий, за ним – начальник охранной стражи капитан Кох и несколько других лиц.

Появление царя у манежа сопровождалось радостным «ура». Александр улыбнулся в ответ. Вскоре император вошел в манеж, где для развода были построены два батальона лейб-гвардии – резервного пехотного полка и саперный. На разводе присутствовали цесаревич Александр Александрович и брат государя Михаил Николаевич.

Как и было обговорено, за час до планируемой акции Богданович покинул сырную лавку. Там остались Анна Якимова и Михаил Фроленко, изображавший покупателя.

Обычно приготовления к проезду царя по Малой Садовой начинались с двенадцати часов дня. Так было и сегодня. К этому времени на обоих концах Малой Садовой улицы появились конные жандармы, проезд прекратился.

Якимова прильнула к окну и внимательно следила за улицей. Вот-вот мог появиться царский эскорт. На столе стоял сосуд с раствором, который при замыкании полюсов должен был дать ток на взрыватель. Рядом в напряжении застыл Фроленко. Он смотрел на Якимову и готов был замкнуть электрическую цепь.

– Странно, жандармы, обычно напряженные, сосредоточенные, ведут себя свободно, вольно, переговариваются между собой. Что бы это значило? – вдруг проговорила Анна.

– Может, царь задерживается?

– Раньше он никогда не опаздывал к разводу.

– Должен появиться, тогда и жандармы поведут себя строго.

– Они уезжают, Михаил, – в растерянности произнесла Якимова. – Я выйду, узнаю, в чем дело.

– Осторожнее, Анна.

Якимова пробыла на улице недолго, вернулась, выдохнула и заявила:

– Мы просчитались. Император поехал на канал.

– Черт! Столько труда впустую. Получается, что лавка больше не нужна.

– А если царь возвращаться будет по Садовой?

– Софья не станет ждать этого. Теперь она будет вынуждена ввести в дело метателей зарядов. Уходим!

– Куда?

– На квартиру Фигнер, куда направился Богданович.

– Я не смогу спокойно сидеть у Веры.

– Хорошо, идем куда угодно.

Узнав, что царь не поехал по Малой Садовой, Перовская сохранила самообладание. Она сообразила, что обратно Александр поедет по набережной Екатерининского канала, и изменила план. Софья обошла метальщиков, указала им новые места ожидания, установила сигналы начала активных действий.

Развод прошел очень удачно. Государь, облаченный в мундир Саперного батальона, был доволен, находился в хорошем расположении духа. После развода император поговорил с приближенными лицами, окружившими его, сел в карету и приказал следовать по Большой Итальянской улице, через Михайловскую площадь, во дворец великой княгини Екатерины Михайловны.

Он пробыл у двоюродной сестры около получаса, а потом решил ехать в Зимний и сказал кучеру:

– Домой! Той же дорогой.

Перовская просчитала, что император воспользуется прежним маршрутом, и пошла по Михайловской улице. Она увидела там Рысакова, Гриневицкого, Емельянова и достала белый платок, что было сигналом идти на Екатерининскую набережную. Подав знак, Софья перешла по Казанскому мосту на противоположную сторону канала.

Карета государя двинулась по Инженерной улице, затем повернула направо, на набережную Екатерининского канала.

К сопровождению прибавился командир лейб-гвардии Терского казачьего эскадрона ротмистр Кулебякин. Он ехал в отдельных санях.

Великий князь Михаил Николаевич и его сыновья остались на несколько минут в Михайловском замке.

Как только карета вылетела из-за угла Инженерной улицы, в руках Перовской опять мелькнул белый платок. Метальщики зарядов находились недалеко от поворота. Первым стоял Михайлов, за ним Рысаков, дальше Гриневицкий.

Отовсюду раздались крики:

– Царь едет!

– Вот, смотрите, государь!

Карета быстро продвигалась вперед. Император успевал отвечать людям улыбкой, отдаaniem чести, приветливым взмахом руки.

Михайлов не успел бросить бомбу. Карета пронеслась мимо него.

Настал черед Рысакова. Тот швырнул заряд. Взрыв прогремел под задними колесами царской кареты. Ее окутало густое облако дыма. Крики ужаса пронесли по набережной.

Один казак погиб на месте. Он лежал позади кареты. Другой, сидевший на козлах с кучером, получил ранение. На тротуаре стонал мужчина из прохожих. В нескольких шагах от него оперся о перила раненый офицер. Впереди упал городской.

Когда раздался взрыв, начальник охраны капитан Кох выскочил из саней. В первую очередь он посмотрел на императора, увидел, как тот сам выходит из кареты, облегченно вздохнул и бросился было к нему, но остановился. Преображенцы, полицейский и какой-то прохожий схватили преступника, бросившего бомбу. Кох поспешил к ним, приподнял метальщика за воротник пальто, обнажил саблю. Место взрыва окружала толпа. Она могла растерзать террориста. Кох встал между разъяренными людьми и преступником.

В это время к нему подошел ротмистр Кулебякин, убедился в том, что преступник не уйдет из рук капитана Коха, и бросился к императору.

Начальник охраны спросил террориста:

– Это ты произвел взрыв?

– Я, ваше благородие! – ответил Рысаков.

– Кто такой?

– Мещанин Глазков из Вятской губернии.

– Почему ты это сделал?

Рысаков отвернулся и промолчал.

Император перекрестился, поблагодарил Бога за спасение и спросил Дворжицкого, оказавшегося рядом:

– Преступник схвачен?

– Схвачен, ваше величество! Государь, благоволите сесть в мои сани и немедленно ехать во дворец.

– Прежде хочу взглянуть на преступника.

– Но это опасно, ваше величество. У него могут быть сообщники.

– Я сказал, хочу видеть того, кто намеревался убить меня. Что непонятного, господин полковник? – Александр направился к месту, где находился террорист.

Кулебякин просил его вернуться к карете, но император ничего не ответил, прошел мимо.

Царь подошел к преступнику, посмотрел ему в глаза и произнес твердым голосом, сохраняя спокойствие и самообладание:

– Молодец. И что же тебе нужно от меня, безбожник?

Рысаков не ответил.

Император повернулся к карете. Полковник Дворжицкий продолжал настаивать, чтобы он поспешил во дворец.

Александр Второй ответил:

– Хорошо, мы поедем во дворец, но прежде я хочу видеть место взрыва.

Бомба разворотила зад кареты. В мостовой образовалась воронка.

– А если бы немного раньше? – спросил император.

– Что вы сказали, ваше величество? – уточнил Дворжицкий.

– Я говорю, что если бы безбожник бросил бомбу секундой раньше, то взрыв произошел бы под самой каретой.

– Господь отвел от вас смерть.

Александр Второй перекрестился:

– Воистину так.

Перовская вцепилась в ограду на противоположной стороне канала. Царь опять невредим. Это какое-то наваждение! Его не берут ни пули, ни динамит. Но где же Тимофей Михайлов и Игнатий Гриневицкий? Неужели струсил, и все кончено? Она готова была выть от отчаяния, когда увидела метальщика.

Гриневицкий сошел с тротуара и швырнул под ноги императору вторую бомбу. Прогремел оглушительный взрыв. Государь, офицеры, казаки, сам террорист и зеваки, находившиеся поблизости, повалились на мостовую. Над набережной поднялся большой шар белого дыма.

Когда дым немного рассеялся, люди, разбросанные взрывом, боялись подступить к тому месту, где только что стоял император. Никто не знал, убит он или ранен.

Александр даже не упал, а присел на мостовую. Он в горячке пытался опереться руками о землю. От шинели его остался только верх. Размозженные ноги были голы, из них лилась кровь.

К императору бросились все, и невредимые, и раненые. Первыми рядом с ним оказались полковник Дворжицкий, ротмистр Кулебякин, казаки. Появились юнкера.

Следом за ними прибыл великий князь Михаил.

Он встал на колени перед братом и спросил:

– Господи, Саша, что с тобой? Жив ли?

– Миша, как можно скорей домой. Если умереть, то там, – с трудом проговорил император.

– Ты держись, Саша. Бог милостив, все обойдется.

Люди, окружающие царя, подхватили его и потащили к саням. Им помогал Тимофей Михайлов, который, видимо, забыл о том, что у него в портфеле бомба. Офицеры и казаки кое-как перевязали раны императора и повезли его во дворец.

Софья Львовна Перовская, ставшая свидетелем страшной кровавой драмы, которую сама и организовала, пошла в небольшую кофейню на Владимирской улице, близ Невского проспекта. Там уже сидел Тырков из наблюдательного отряда.

Софья устроилась рядом с ним и сказала:

– Кажется, все прошло удачно. Царь если не убит, то тяжело ранен.

– Кто это сделал?

– Первую бомбу бросил Рысаков. Царь не пострадал, и тогда в дело вступил Гриневицкий. Николай арестован, а вот Игнатий, скорее всего, погиб.

Император лежал в кабинете на диване. Он находился в бессознательном состоянии. Расстрелянный фельдшер Коган пережал артерию на левом бедре царя. Доктор Маркус заглянул в медленно раскрывшийся окровавленный левый глаз умирающего и... лишился чувств. Кто-то из придворных приложил ко лбу Александра мокрое полотенце.

В кабинет вошел лейб-медик, знаменитый врач Боткин.

Но он уже ничего не мог сделать, только тихо проговорил:

– Если бы кровь остановили сразу после взрыва...

Доктор отошел от умирающего, так как в кабинет один за другим входили члены царской семьи, духовник императора, высшие должностные лица государства и церкви.

Вбежала и княгиня Юрьевская, так и не ставшая императрицей. Она упала на тело мужа, стала покрывать поцелуями его руки и зарыдала. Платье Юрьевской пропиталось кровью.

Агония царя продлилась три четверти часа. Градоначальник, прибывший во дворец, подробно доложил присутствующим о случившемся.

К лейб-медику подошел наследник-цесаревич Александр Александрович и тихо спросил:

– Есть ли надежда?

Боткин вздохнул, отрицательно покачал головой и сказал:

– Нет. Прошу соблюдать тишину. Государь умирает.

Персоны, собравшиеся в кабинете, подошли к царю. Его глаза смотрели мимо них, куда-то в пространство. Что он видел? То, что живым лицезреть не дано.

Боткин пощупал пульс, опустил окровавленную руку Александра и объявил:

– Государь император скончался!

Княгиня Юрьевская побледнела и рухнула на пол. Все остальные встали на колени.

В 15.35 на флагштоке Зимнего дворца был спущен императорский штандарт. Этот факт оповестил население о смерти Александра Второго.

Вечером того же дня умер и Гриневицкий, бросивший вторую бомбу.

Двадцатилетний Николай Рысаков, задержанный на месте преступления, на допросе выдал всех сообщников. Тут же были арестованы Гесья Гельфман, Тимофей Михайлов, Софья Перовская, Николай Кибальчич, Григорий Исаев, Николай Суханов, Анна Якимова-Диковская, Татьяна Лебедева, Михаил Грачевский, Михаил Фроленко, Мартин Ланганс.

В течение нескольких недель Санкт-Петербург находился на военном положении. Ожидались волнения. Многие революционеры верили, что «Народной воле» хватит сил для открытого противостояния с правительством.

Власти особенно опасались выступлений рабочих. Рысаков сообщил о подпольной организации, созданной в их среде. Казачьи заставы отрезали от центра промышленные окраины. Впрочем, делать этого не требовалось.

Народовольцы ждали восстаний на заводах и фабриках, но их не произошло. Руководители террористической организации явно переоценили свои силы и степень влияния на массы. Исполком «Народной воли» по сути дела как был, так и остался узким, строго замкнутым в себе кружком кровавых заговорщиков.

Желябов написал заявление прокурору, в котором потребовал, чтобы его судили по делу об убийстве императора. В другом документе он заявлял, что приговор должен быть вынесен присяжными. Его первое заявление было удовлетворено, а вот второе – категорически отклонено.

Суд над террористами проходил с 26 по 29 марта под председательством сенатора Фукса и под надзором министра юстиции Набокова. Желябов, Перовская, Кибальчич, Гельфман, Михайлов и Рысаков обвинялись в принадлежности к тайному сообществу, имеющему целью насильственное свержение существующего государственного строя, и участия в убийстве императора.

29 марта суд вынес приговор – смертная казнь всем подсудимым, перечисленным выше. Беременной Гельфман повешение было заменено ссылкой на каторжные работы, но она умерла сразу после родов. Грачевский, Богданович, Исаев, Колодкевич, Емельянов, Фроленко и Якимова были приговорены к вечной каторге.

Утром 3 апреля террористы, приговоренные к смертной казни, были повешены. На груди у каждого висела доска с надписью «Цареубийца».

Император Александр Второй был похоронен в Петропавловском соборе.

Новый царь Александр Третий приостановил либеральные реформы. Он видел будущее России в дисциплине и порядке. Этот рослый человек с окладистой бородой внушал доверие народу, который видел в нем мужика, сидящего на троне.

После ареста и казни руководителей исполнительного комитета «Народной воли» эта подпольная организация в конце концов была уничтожена. Попытки возродить ее не удались. Покушения прекратились.

Александр Третий считал своей основной целью недопущение возврата революционной чумы. В своем манифесте от 28 апреля 1881 года он объявил о намерении править страной твердой рукой. По совету своего давнего наставника, обер-прокурора синода Константина Победоносцева, государь отправил в отставку всех либерально настроенных представителей

власти во главе с графом Лорис-Меликовым. Поезд Российской империи опять пошел по колеям абсолютного самодержавия.

Александр Третий отличался незаурядной физической силой, обладал непреклонным характером, любил правду и был прост в общении с другими. Он пренебрегал роскошью. Ни один представитель дома Романовых не соответствовал мнению русского человека о царе так, как он. Этот могучий русобородый гигант являлся воплощением силы и достоинства, был привержен русским традициям и обычаям, имел в себе твердую, непоколебимую веру.

До восхождения на престол у Александра Александровича родились Николай, Георгий, Ксения и Михаил. Уже после гибели Александра Второго на свет появилась Ольга.

Пятеро детей! Отец сизмальства приучал их спать на простых солдатских койках, по утрам обливаться холодной водой и есть на завтрак обычную кашу. Царь соблюдал посты, ходил на богослужения, посещал Александровскую лавру, Исаакиевский и Петропавловский соборы. К этому же он приучал и своих детей.

Александр Третий заставлял детей много времени проводить на воздухе, заниматься физическими упражнениями. Они часто работали в саду, ухаживали за птицами и животными.

От сыновей Александр Александрович требовал, чтобы они росли настоящими мужчинами, смотрели противнику в глаза, учились отвечать за свои поступки и не допускали беспечности. Он никогда не забывал, что его мальчики в первую очередь просто дети, которым хочется и поиграть, и пошалить, и даже подраться.

Николай воспринял от отца простоту в общении и живость характера. Он был обаятелен, шаловлив, любил подвижные игры. Стремление содержать себя в хорошей физической форме сохранилось у него до самой смерти. Одновременно с этим в Николае проявились поэтичность и изящество, стремление к прекрасному и любовь ко всему живому. С раннего детства в душе будущего императора жила искренняя религиозность. Все эти качества прекрасно и гармонично развивались в естественной семейной атмосфере, поддерживаемой отцом.

В 1876 году к Николаю и его брату Георгию была приставлена воспитательница Александра Петровна Олленгрэн, дочь адмирала, вдова русского офицера шведского происхождения. Эта история требует отдельного описания, так как Олленгрэн не являлась придворной дамой, известной в кругах петербургской знати.

После скоропалительной смерти капитана Константина Петровича Олленгрэна в 1872 году его молодая вдова осталась с сыновьями Петром, Константином, Владимиром и дочерью Елизаветой, ста рублями годовой пенсии и собственным маленьким домиком в Коломне. Так назывался один из старейших районов Санкт-Петербурга. Семья жила в голоде и холоде в полном смысле этих ужасных слов.

Начальницей Коломенской женской гимназии в ту пору была госпожа Нейгардт, подруга Александры Петровны по Екатерининскому институту. Она узнала о бедственном положении вдовы и приняла ее на должность классной дамы. Жалованье вместе с пенсией уже позволяло женщине не только существовать, но и нанять прислугу.

В один из майских дней 1875 года выпускной класс Александры Петровны должен был представляться в Зимнем дворце своей покровительнице и попечительнице императрице Марии Александровне. На этом приеме Олленгрэн заметила Мария Федоровна, супруга цесаревича Александра Александровича. Она предложила ей заняться воспитанием и первоначальным образованием своих сыновей Николая и Георгия. Проживание на всем готовом в Аничковом дворце и годовое жалованье в две тысячи рублей! В 1877 году сыновья Александры Петровны были признаны потомственными дворянами.

После окончания воспитательной работы в Аничковом дворце Александра Петровна была назначена начальницей Василеостровской женской гимназии и имела свободный доступ к государю. Он принимал ее по первой просьбе. Володя Олленгрэн, в будущем полковник,

обучающийся вместе с великими князьями, всю жизнь пользовался милостью и благосклонностью Николая Второго.

В 1879 году Николай окончил обучение по программе начальной школы. Отец постановил собрать комиссию для проверки его знаний перед началом среднего образования. Она осталась довольна успехами десятилетнего Николая.

Для дальнейшего обучения Александр Александрович пригласил генерал-адъютанта Данилевича. Были подобраны преподаватели Закона Божьего, русского языка, географии, истории, математики, французского, английского и немецкого языков.

Николай учился на протяжении тринадцати лет. Он постигал юридические, экономические науки, политическую историю. Будущий государь особенно любил заниматься военным делом, изучением тактики и стратегии, топографии, инженерного дела. Николай обожал армию, ее традиции, форму, простой мир приказов и повиновения. В последующие годы офицерское общество гвардейских полков было практически единственным, кроме, естественно, семьи, окружением, где он чувствовал себя как дома.

А жизнь на бескрайних просторах государства Российского тем временем шла своим чередом.

Через два дня после убийства императора Порфирий Михайлович Гуляев, хозяин самого большого крестьянского двора в селе Долгопрудном Усеченского уезда, вернулся домой. Неделью он провел на заимке вместе с давним товарищем Федором Семеновичем Губиным, старостой соседней деревни Лыка, да работником Тихоном. Порфирий пил не просыхая. Поводом послужили сороковины по кроткой и тихой супруге Марии Степановне, умершей от неизвестной болезни. Она жила незаметно, так же и отошла. В ночь. Помолилась, легла спать и не проснулась.

Порфирий Михайлович по приезде домой приказал работнику Алексею растопить баню. Он парился около часа, сколько сил хватило. Отпивался квасом. Хотел поговорить с двоюродным братом Тимофеем, исполнявшим в хозяйстве обязанности управляющего, но тот, как оказалось, уехал в город, договариваться о продаже излишков овса и льна. Тимофей следил за наемными работниками, конюшней и коровником, вел торговлю, приглядывал за работой мельницы, построенной по осени прежнего года.

На родного сына Порфирий положиться не мог. Григорию исполнилось двадцать лет, но он и сейчас оставался ребенком, большим и неуклюжим, всегда сопливым, неопрятным и совершенно бесполезным в хозяйстве.

Отдохнув, Порфирий вышел во двор и увидел сына. Тот пытался шестом сбить кота с конька крыши амбара.

– Гришка! – крикнул Порфирий.

Сын присел от неожиданности, отбросил шест, шмыгнул носом, подошел.

– Тятя, я тут за Васькой котом гонялся.

– Видел.

– Он, тятя, хитрый, но я все одно его достану.

– Ступай в дом! Нечего по двору шляться.

– А что дома-то? Скучно.

– Кота своего жди. Он нагуляется и вернется. На печи греться.

Лицо придурковатого Григория расплылось в улыбке, больше похожей на гримасу от зубной боли.

– И то верно, тятя. Вернется, никуда не денется.

– Ступай.

Сын ушел, а из-за плетня показался сосед Еремей Фомич Якунин.

– Здорово живешь, Порфиша!

– Это ты? Здорово, Ерема. Живу, как видишь.

– Чего-то не видать тебя было после сороковин по Маше.

– На заимке был.

– И чего там сейчас делать? Ладно летом или по осени после страды. Река рядом, лес. Хочешь рыбу лови или зверя бей, а то и грибы собирать можно.

– Что делать? – переспросил Порфирий и сам же ответил: – Водку пить, вот чего.

– Ага. – Еремей понимающе кивнул. – Это дело хорошее, если в меру. Водочка под соленые огурчики да грибки – красота.

– Когда мы меру знали? Пили с Федькой Губиным так, что себя не помню. Слава богу, не помер. А то уже ночами кошмары мучили.

– Это дело такое. Значит, новость не слыхал?

– Что за новость?

– Э-э, Порфиша, всем новостям новость.

– Да не тяни ты! Что на селе произошло? Помер кто или сгорел?

– Выше бери. В Петербурге царя кончили. Как раз позавчера, в воскресенье.

– Да ты что? – воскликнул Порфирий. – Как это кончили?

– Убили.

– Кто?

– Какая-то «Народная воля». Я в этом не разбираюсь. В уезде сказывали, что безбожники-студенты в стаю сбились да устроили охоту на государя.

– Как такое возможно?

– Вот так! Студентам этим все возможно, потому как креста на них нету. Но ничего, болтаться им теперь на виселицах. И поделом!

– А куда ж охрана смотрела?

– Смотрела, да, видать, ушами прохлопала.

Порфирий покачал головой:

– Это ж надо, до чего дожили! Помазанника Божьего убили. А как оно было, слыхал?

– Люди говорят, бомбами взорвали.

Гуляев перекрестился:

– Господи, спаси и сохрани.

По двору прошла молодая стройная женщина.

Еремей цыкнул, почесал бороду и сменил тему:

– Эх, и хороша ж у тебя работница, Порфиша. Я б ее!.. Не уступишь? С пацаненком возьму. Цену хорошую дам.

– На что она тебе?

– Ну ты даешь, Порфиша! На что баба мужику? Ясное дело, чтобы мять по ночам.

– В постели, рядом с женой? – с усмешкой осведомился Порфирий.

– Зачем? Жене в другой комнате место найдется. Кто она такая? Мужнина вещь. Смирится. А вякнет, что против, так вожжами в момент успокою. Женское дело хозяйство блюсти, жратву готовить, за детьми смотреть.

– Утри слюни, Ерема.

– Не уступишь, значит. – Якунин вдохнул. – Оно и понятно. Я бы такую бабенку тоже ни за какие деньги не отдал бы.

– Хорош о бабах, Ерема. Чего еще произошло?

– А тебе убийства государя мало?

– Одного убили, другой на трон сядет. Сын и наследник, Александр Александрович. Нам от этого ни убытка, ни прибыли.

– Не скажи, Порфиша. Новая метла по-новому метет. А вдруг теперешний царь вернет крепостное право?

– Того не будет. Старое не вернешь.

– Как знать. А на селе все тихо, да и время ныне какое? Все по избам сидят, детей строят, силы перед посевной набирают.

– Да, силенок потребуется немало.

– Только не тебе. Вон развернулся как, похлеще прежнего барина. Лучшие пашни, табун лошадей, коровы, овцы!.. Полсела на тебя работает. Да еще целая орава бобылей из соседних деревень, у которых за душой ничего нет.

Порфирий повысил голос:

– Это тебя не касается. Начинали вместе, на равных условиях.

– Ладно, Порфиша, я ничего, богатеи на здоровье. Скажи лучше, лошадежкой по весне подсобишь?

– Так у тебя две свои. Или их уже не хватает?

– Хватило бы, да только одна стара уже, толку от нее мало.

– Купи молодую.

– Так дешевле нанять. У тебя коней много.

– Что за привычка такая дурная, чужое добро считать? За своим смотри.

Еремей хитро улыбнулся:

– Да разве ж мы чужие, Порфиша? Росли вместе. Забыл, как мальцами с ветлы в реку прыгали? Ты как-то раз о корягу ударился. Потонул бы, да я вытащил. Не помнишь?

– Все помню, Ерема. Баловались, играли, в реку прыгали. Спас ты меня, а потом Прасковью увел.

Еремей рассмеялся:

– Было дело. Но не моя в том вина, что Параня меня в женихи выбрала. Не ведала дуреха, что ты богатеи станешь. Просчиталась. Одно слово – баба дура.

– То-то ты возле нее крутился, пока я с отцом на заработках был.

– Что было, Порфиша, то прошло. А Параня никак до сих пор мила тебе?

– Нет, – отрезал Гуляев.

– Конечно, когда рядом под боком молодуха.

– Гляжу я на тебя, Ерема, вроде человек православный, а несешь ересь какую-то.

– Господь простит. Не со зла же, да и не всерьез. Так поможешь с лошадей?

– Посмотрим.

– Ну и ладно, пошел я. Мне еще к старосте зайти надо.

– Иди, Ерема.

Сосед ушел. Порфирий вернулся к дому, заметил работницу у амбара, присмотрелся. А Ерема прав, баба действительно ничего. И лицом хороша, и фигурой. Как он раньше того не замечал?

– Катерина! – позвал Порфирий.

– Да, хозяйин.

– Поди сюда.

Женщина подошла и спросила:

– Работа какая есть, хозяйин?

Порфирий почесал бороду, в глазах его мелькнул какой-то странный, молодецкий огонек.

– Ты вот что, Катерина, сегодня, как стемнеет, приходи ко мне.

– Что? – Женщина оторопела, услышав столь неожиданное предложение.

– Оглохла, что ли, покуда не было меня? Сказал, приходи, как стемнеет. Сорок дней минули, душа Маши на небеса отправилась. Мне же без бабы тяжело. Не стар еще. Так что за жену теперь будешь.

– Но, Порфирий Михайлович, как же это? Не по-людски.

– Мне решать, что по-людски, а что нет. Сказал, приходи, значит, так и делай.

– Я не могу.

Взгляд Порфирия помрачнел.

– Отказываешься? Не спешила бы.

– А то что?.. – спросила женщина, приподняв голову.

– Не догадываешься? Объясню. Долг, Катерина, платежом красен.

– О каком долге речь ведешь, Порфирий Михайлович?

– Вспомни, кто тебя, всю оборванную, нищую, голодную с дитем малым, пригрел?

– Вы.

– Я. А кто тебе документы через старосту сделал и немало за это заплатил?

– Вы.

– Я!

– Так и я все уже давно отработала. Ведь шесть годков на вас пашу за угол и кормежку.

– Угол и кормежку, может, и отработала. А то, что скрываю тебя, с этим как?

– От кого?

– Ты дурочкой-то не прикидывайся. Я же узнавал, кто ты. Скажу, что там, откуда ты бежала, в Ютеше твоей, да и в уезде, полиция до сих пор считает, что странная смерть Лешки Рыбанова не обошлась без участия его жены. Дело-то не закрыто. Как мыслишь, что произойдет, если я отдам тебя полиции? Позову урядника да скажу, что никакая ты не Волкова, а Рыбанова, в девичестве Блохина, действительно причастная к смерти мужа? Молчишь? А я скажу. Урядник быстро тебя захомотает да передаст начальству. Оно разбираться не станет, дело оформит да в суд передаст. Не та ты фигура, чтобы на тебя время тратить. И отправишься ты, Катерина, на вечную каторгу в далекие, суровые края. А каково будет Федьке без матери? Не выживет он один. Мне же за ним смотреть никакого резона нет.

– Вы не сделаете этого.

– Не сделаю, если упрямиться не будешь.

Женщина поникла и тихо проговорила:

– Не буду. Согласная я, да вот только как с Федькой быть? Мы же с ним в одной комнате спим. Увидит, что матери нет, испугается, искать начнет.

– Тимофей вернется из города и заберет его к себе.

– Так ведь все одно узнает. Что отвечу?

– Правду. А если недовольство проявит, то не посмотрю, что малец, быстро выбью. Так что, Катерина, жду. Да пред тем как прийти, помойся в бане. Тихону скажи, я разрешил. А то от тебя навозом тащит. Ублажишь как следует, узнаешь, каким щедрым я могу быть. В комнате жены покойной поселю, одену, обую, от грязной работы освобожу. Федьку на учебу пошлю, чтобы и грамоту осваивал, и под ногами не мешался. Я, Катерина, умею быть благодарным. Только и ты постарайся. А то я уже и забыл, когда последний раз удовольствие от бабы получал. Покойница-то в этих делах слаба была. Ты все поняла?

– Да, Порфирий Михайлович.

– Вот и ладненько. А сейчас ступай.

Катерина Рыбанова, по новым документам, сделанным Гуляевым, Волкова, ушла в коровник. Порфирий прошел в дом, отобедал, прилег на лавку в горнице и вспомнил, как впервые увидел Екатерину с сыном.

Было это в начале июня 1868 года, как раз после объявления о рождении у императора внука, нареченного Николаем. Под вечер пошел дождь. Стемнело поздно. Все собирались отойти ко сну, как работник, который обходил двор, сообщил, что возле ворот без сознания лежит молодая баба, а рядом ребенок.

Пришлось в дом тащить. У бабы жар, дите плачет. Вызвали доктора. Тот осмотрел незнакомку, дал ей какого-то порошка. Ею Марья занималась, а мальчика отдали соседке, у которой тогда свой такой же был.

Выходили бабу, оклемалась и рассказала, что сбежала от мужа. Порфирий тогда хотел сдать ее приставу, да Марья отговорила. Лишние руки в хозяйстве не помеха. Так и прижилась Екатерина с сыном Федькой. Угол ей выделили, определили в коровник. Работала хорошо, тут придаться не к чему. Хлеб свой сполна оправдывала.

Одна загвоздка была – документы. Но помог Федька Губин, староста деревни Лыка. Сделали бабе и мальцу бумаги на фамилию Волковых. А потом стало известно о страшной смерти ее муженька, да еще и как раз в ту самую ночь, когда она сбежала.

Сегодня Порфирий лгал Катерине, когда говорил, что ее подозревают в убийстве. Следствие установило, что Алексей Рыбанов сам свалился в реку и ударился башкой о камень. Но так надо было. Чтобы боялась. Так оно и вышло. Теперь будет покорна.

Порфирия потянуло в дрему, но уснуть ему не удалось. Явились из города Тимофей с сыном Катьки, подростком Федькой.

Родственник передал лошадей работнику Тихону, прошел в горницу и сказал:

- С возвращением, Порфирий! Как здоровье?
- Ничего, живой, как видишь. Что в городе?
- Все в полном порядке. Нашел купца, который возьмет и овес, и лен.
- Он цену сбил?
- Нет. Нормальную дал. Поторговался, конечно, не без этого.
- Когда повезешь товар?
- Через неделю.
- Что так?
- Да у купца сейчас все склады забиты. За неделю свой товар распродаст, наш возьмет.
- Точно?
- Возьмет!
- Ладно. Федька где?
- К себе пошел.

Порфирий встал с лавки, подошел к двоюродному брату.

- Просьба у меня к тебе, Тимоха.
- Что за просьба?
- Ты на ночь заведи к себе Федьку.
- Чего это?
- Надо так!
- Уж не к Катьке ты клинья подбиваешь?
- Какая тебе разница? Или сам глаз на нее положил?
- Ты ж знаешь, у меня вдовушка-красавица.
- Знаю. Но она, кажись, к родственникам уехала?
- На недельку погостить.
- Вот и возьми Федьку.
- Ладно. Прямо сейчас забрать?
- Нет. Часов в восемь.
- А если он не захочет? Не силком же тащить.
- Так придумай чего-нибудь. Но чтобы этой ночью Федьки в доме моем не было.
- Ладно.
- Ступай, я надеюсь на тебя.
- Давай.

Тимофей прошел в каморку, отведенную Волковым. Федька сидел на лавке, жевал хлеб, запивал молоком.

- Проголодался?
- Есть маленько.

- Вижу как маленько, аж за ушами трещит.
 - Ничего не трещит, дядя Тимофей.
 - Мать-то где?
 - В бане.
 - Чего это? Вроде не банный день.
 - А я знаю?
 - Ну и ладно. Ты вот что, Федька, ко мне вечером не хочешь пойти?
 - Зачем?
 - Да скучно одному.
 - Мамка не пустит.
 - Пустит, я договорюсь.
 - Договорись, пойду. А ты мне чучела зверушек покажешь?
- Тимофей мастерски набивал чучела зверей, добытых на охоте.
Он улыбнулся:
- Покажу. А зайца подарю.
 - Правда?
 - Сказал же.
 - А пойдем прямо сейчас.
 - Как же мамка?
 - А мы потом зайдем и скажем.
 - Нет. Так не выйдет. Ты дождись мамку, подмоги ей по хозяйству. Вечером, часов в восемь, я зайду за тобой. А куда товарища проведу.
 - Это того, кому керосин купил?
 - Его.
 - Ладно.
- Екатерина вернулась из бани, раскрасневшаяся, раздурманенная, обняла сына и спросила:
- Как съездили в город, Феденька?
 - Нормально, – по-взрослому ответил мальчишка.
 - Тебе помыться надо. Я сейчас воды нагрее.
 - Не надо, потом.
 - Почему ты мыться не любишь? Ну хоть руки сполосни, а то грязными да за хлеб.
 - Чего их мыть-то? Я уже и поел. Сегодня к дядьке Тимофею пойду, ладно?
- Екатерина поняла, что Порфирий задумал убрать ее сына из дома.
- Ну, если хочешь, иди.
 - По дому что надо сделать?
 - Нет, отдыхай, сыночек, и так в городе, наверное, намаялся.
 - Ничего. Я уже взрослый.
 - Да, взрослый, защитник мой.
- Федька шмыгнул носом:
- Защитник! Только скажи, если кто обидит.
 - Ладно-ладно. Кто ж меня обидит?
- Федька вышел в коридор, дошагал до большой комнаты Порфирия и увидел, что дверь приоткрыта. Ему очень захотелось узнать, что делает хозяин. Он остановился, подошел к двери и заглянул в щелку.
- Порфирий считал деньги. Он слюнявил палец, раскладывал купюры в стопки и довольно урчал. Так делает кот, добравшийся до крынки со сливками.
- Федька замер. Он еще никогда не видел столько денег.

Порфирий перемотал стопки нитками, положил их в ларец, стоявший под рукой, закрыл его. Ключ на бечевке повесил на шею. Ларец он поставил в нижний ящик шкафа, потянулся и резко обернулся.

Федька вовремя отшатнулся и бесшумно, на носках, убежал к выходу в сад.

Без четверти восемь пришел Тимофей и увел Федьку в свою избу.

Екатерина увидела это и пошла к Порфирию.

Тот ждал в комнате, сидя за столом.

– Вот, пришла.

– Хорошо.

Он встал, подошел к ней. Расстегнул кофту, погладил через чистую ночную рубашку упругие груди молодой женщины, сглотнул слюну.

– Хороша.

Порфирий резкими рывками сорвал с нее одежду, рванул занавес у кровати, стоявшей за печью, сбросил с себя порты, рубаху, повалил Екатерину на чистые простыни.

– Ох и хороша ты, Катька! А ну-ка люби меня, да так, чтобы забыл обо всем.

Заскрипела кровать, раздалась стона Порфирия.

В избе Тимофея тринадцатилетний Федька посмотрел чучела, прилег на зипун, брошенный на лавку, тут же уснул и увидел сон. Будто он, Федька, вместо Порфирия сидит за столом большой комнаты. А перед ним деньги, много, целая куча. Он набивает их в ларец, а они не помещаются. От купюр во все стороны разлетаются лучи света, прямо как от драгоценных камней, виданных Федькой в ювелирной лавке в Усеченске.

От этого света волнующе колотится сердце. Ведь это все его, Федькино.

Мальчик проснулся в поту. За окном ночь, в комнате тихо, на столе ничего нет. Куда же все делось? Он понял, что всего лишь видел сон, и от обиды готов был плакать. Ведь богатство было в руках. Да вот только не его. Вообще ничье.

Федька сходил по нужде во двор, опять лег на лавку, но так и не смог уснуть до самого утра. Мысли о драгоценном ларце не давали ему покоя.

Любой другой мальчишка забыл бы сон, но только не Федька. Сын Екатерины теперь знал, что рано или поздно, но он доберется до ларца Порфирия Михайловича. Чего бы это ему ни стоило. Тогда жизнь его непременно изменится.

Глава 3

По старинной традиции, в день рождения внук императора был зачислен в списки нескольких гвардейских полков. В пятилетнем возрасте Николай стал шефом лейб-гвардии Резервного пехотного полка. В 1875 году он получил звание «прапорщик» лейб-гвардии Эриванского полка, спустя пять лет стал подпоручиком. Через год престолонаследник назначается атаманом всех казачьих войск. 6 мая 1884 года, в день своего совершеннолетия, цесаревич в торжественной обстановке принял воинскую присягу на верность престолу и отечеству и вместе с этим поступил на действительную воинскую службу. В дальнейшем звания ему присваивались точно так же, как и всем офицерам в мирное время – по выслуге лет. Поручик, штабс-капитан, капитан, полковник – вот послужной список последнего русского императора.

С присвоением в 1891 году звания «полковник» производство было завершено. Николай Александрович до последней минуты своей жизни оставался в этом чине. Он считал неприличным производить самого себя в генералы.

В конце мая 1884 года состоялась и первая встреча цесаревича Николая Александровича с совсем юной принцессой Алисой. Это случилось, когда ее старшая сестра Элла, впоследствии Елизавета Федоровна, вступила в брак с Сергеем Александровичем Романовым, дядей Николая.

Принцесса Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса родилась 7 июня 1872 года в Дармштадте, столице небольшого герцогства, включенного в Германскую империю. Отцом Алисы был Людвиг Четвертый, великий герцог Гессен-Дармштадтский, а матерью – Алиса Мод Мари Ганноверская, третья дочь королевы Виктории. Ее еще называли Алисой Английской.

Дети, которых в семье было семеро, воспитывались в глубоко патриархальных традициях. Жизнь их протекала по строго установленному распорядку, ни одной минуты не должно было проходить в праздности. Одежда и еда детей были очень простыми. Девочки сами убирали свои комнаты, заправляли постели.

Алиса с ранних лет отличалась невероятной серьезностью и тягой к религии. Принцесса читала не французские романы, популярные среди ее сверстниц, а сочинения по теологии и философии, интересовалась вопросами бытия, жизни и смерти.

Возможно, причина этого крылась в безвременной кончине матери, которую Алиса потеряла в шестилетнем возрасте. В 1878 году в Гессене свирепствовала эпидемия дифтерии. От нее умерли мать Алисы и ее младшая сестра Мэй. После пережитой трагедии веселая, жизнерадостная принцесса стала замкнутой, начала сторониться незнакомых людей, успокаивалась лишь в узком семейном кругу.

Лишившись матери, Алиса подолгу жила в Великобритании, в замках Балморал и Осборн-хаус, расположенных на острове Уайт. Она была любимицей королевы Виктории, которая ласково называла ее Солнышком.

Душевная рана сохранилась у Алисы до замужества. Ее увлечение сочинениями философов и богословов вызывало удивление окружающих, но Алису это не смущало. Ее труд не пропал даром. Позже она получила степень доктора философии Оксфордского университета.

Двенадцатилетняя Алиса впервые оказалась в России вместе с сестрами Ирэн и Викторией. Она была потрясена пышностью приема, роскошью, окружавшей ее, величием и торжественностью свадебной церемонии, огромным скоплением народа.

Шестнадцатилетнему цесаревичу сразу же понравилась принцесса.

После обеда, около восьми часов вечера, Николай отвел в сторону четырнадцатилетнего брата Георгия.

– Ты видел ее?

– Кого? – не понял брат.

– Алису, принцессу Гессенскую. Я сидел рядом с ней за обедом.
– Видел. Ну и что?
– Как что, Георг? Она просто восхитительна!
– Что с тобой, Ники? Ты настолько возбужден?
– Я влюблен, Георг!
– Но ей же только двенадцать лет, Ники!
– Это не имеет значения. Она безумно красивая, скромная. А какие у нее волосы!словно золотые нити. Я сидел рядом с ней, и сердце мое билось так, что мне хотелось закрыть грудь рукой, чтобы стук никто не услышал. Я определенно влюблен.

Георгий пожал плечами:

– Ну, влюблен, вот и хорошо.
– Ты ничего не понимаешь, Георг. Мне жаль тебя.
– Почему ты меня жалеешь?
– Потому, что тебе еще не дано понять, что это такое.
– Господи, Ники, успокойся. Тебе же известно, что Алиса – любимая внучка английской королевы, которая не очень-то хорошо относится к нам. Да и наш папа отвечает ей тем же.
– Однако это не помешало принцессе Элле выйти замуж за нашего дядю Сергея Александровича?
– Я не знаю. И потом, Алиса лютеранка.
– А разве Элла нет? Или лютеране не христиане? А наша мама, урожденная датская принцесса?
– Да ну тебя, Ники. Люби, если хочешь, только пока не говори родителям о своих чувствах.
– Отчего?
– Неизвестно, как они воспримут твоё увлечение.
– Но я все равно буду дружить с этой небесной девочкой.
– Если она захочет.
– Захочет. А если нет, то я умру.
– Ники, ты же старше меня, наследник престола, подпоручик, а говоришь как малый ребенок.

Николай обнял брата.

– Может быть! Потому что я влюблен и счастлив.

Следующие дни цесаревич и принцесса проводили вместе. Николай был очарован девочкой, которую близкие называли Аликс. Да и он явно нравился ей.

31 мая 1884 года, находясь в итальянском домике в Петергофе, они тайно ото всех нацарапали свои имена на окошке. Вечером цесаревич записал в своем дневнике: «Мы друг друга любим».

На детском балу в английском дворце Николай решил подарить Алисе брошку. Но принцесса не приняла ее. Она объяснила, что еще не время принимать такие дорогие презенты, пусть даже от юноши, милого ее сердцу. Цесаревич отдал брошь своей сестре, но маленькая Аликс стала ему дорога еще больше.

Так началась трогательная история любви Николая и его будущей жены Александры Федоровны.

Шли годы. Несмотря на решительные меры по борьбе с терроризмом, принятые властью, революционная зараза все же глубоко пустила корни в России. Единой мощной антиправительственной и антимонархической организации революционерам создать не удалось, но различного рода кружки и фракции имели место. В большинстве своем они создавались в студенческой среде.

В революционную деятельность был вовлечен Александр Ильич Ульянов, старший брат Ленина. В 1893 году он с золотой медалью окончил гимназию в Симбирске и поступил на естественное отделение физико-математического факультета столичного университета, где проявил большие способности.

Ему прочили блестящую научную карьеру, но Александр Ульянов избрал другой путь. Он уже был заражен смертельным вирусом человеконенавистничества, активно участвовал в студенческих нелегальных собраниях, демонстрациях, вел пропаганду среди рабочих.

В декабре 1886 года Александр Ульянов и Петр Швырев организовали террористическую фракцию партии «Народная воля», практически разгромленной. В нее в основном входили студенты Петербургского университета. Они изучали работы Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Георгия Плеханова, а также программные документы «Народной воли». На их основе в феврале 1887 года Ульяновым была составлена программа террористической фракции.

Александр Ульянов продал золотую медаль, полученную в университете за работу по зоологии, и на вырученные деньги приобрел взрывчатку. Цели и тактика террористов со времен Желябова и Перовской не изменились. Их главной целью оставался российский император.

Они собирались осуществить покушение на царя Александра Третьего 1 марта 1887 года, ровно через шесть лет после убийства его отца. Но террористов, как это бывало очень часто, сдал полиции свой же товарищ. Пятнадцать организаторов и участников подготовки покушения были арестованы. Вместе со всеми прочими Александр Ульянов был заточен в Петропавловскую крепость, в которой находился до перевода в Шлиссельбург.

15–19 апреля 1887 года состоялся суд, на котором Ульянов, Швырев, Андреюшкин, Генералов и Осипанов – организаторы покушения, были приговорены к смертной казни. Остальные получили различные сроки каторги с дальнейшей ссылкой.

Мария Александровна, мать преступника, подала императору прошение о помиловании сына и получила разрешение на свидание с ним. Ульянову было предложено самостоятельно попросить государя о помиловании. Сначала он в присутствии прокурора отказался от этого предложения, затем все же подал прошение, которое было отклонено. 8 мая 1887 года Александр Ульянов и его товарищи были повешены в Шлиссельбургской крепости.

Особого сочувствия в общественных кругах казнь не вызвала. Она основательно напугала революционно настроенную молодежь.

Смерть брата потрясла Владимира Ульянова. Тогда-то он и произнес известную фразу: «Мы пойдем другим путем», по сути отверг террористическую деятельность, совершенно бесполезную, губительную для всех, в том числе и для революционеров. Хотя, конечно же, идеи достижения цели любой ценой в нем остались.

В сентябре 1888 года семья императора Александра Третьего отправилась на отдых в Крым. Царский поезд имел статус экстренного. Он более чем в два раза превосходил длину и тяжесть обычного пассажирского состава. Поэтому его тащили два паровоза, пассажирский и товарный. Он состоял из пятнадцати вагонов, из которых только пять были оборудованы автоматическими и ручными тормозами. Кондуктора получили приказ не торчать без дела на площадках, а помогать прислуге.

Сразу за паровозами располагался багажный вагон, за ним мастерская. Следующий занимал министр путей сообщения. Четыре вагона отводились под кухню, обслуживающий персонал и столовую. В трех размещались великие князья, императорская чета и наследник престола, еще в пяти – свита. В таком виде царский поезд совершал переезды на протяжении где-то десяти лет.

Неразбериха в должностных инструкциях, касающихся безопасности перевозок, была вызвана некомпетентностью министра путей сообщения. Адмирал Константин Николаевич

Посьет, человек преклонного возраста, имел былые флотские заслуги, но, по его же словам, ничего не смыслил в железных дорогах. Никто толком не знал, почему император Александр Второй назначил его на эту должность в 1874 году.

У машинистов не было связи ни между собой, ни с поездом. Состав был оборудован телефоном, но тот действовал плохо, и бригада не любила им пользоваться. К паровозам же кабель вообще не был подведен. Всех успокаивало то обстоятельство, что за десять лет эксплуатации поезда не случилось никаких инцидентов.

Только Сергей Юльевич Витте, в то время управляющий Юго-Западными железными дорогами, всерьез взволновался безопасностью императорской семьи. Он по обязанности сопровождал поезд на своем участке при движении его в Крым вместе с главным инженером Васильевым. Тогда-то они, находившиеся в вагоне Посьета, и обратили внимание на стук под днищем. Его причиной были не рельсы, а сам вагон. Он заметно кренился влево.

На остановке Витте вызвал механиков из мастерской и указал им на неисправность. Те ответили, что с этим вагоном такое часто бывает. Они обещали заняться проверкой, а при необходимости и ремонтом на конечной станции, в Севастополе. Состав благополучно дошел туда, и механики забыли о своих обязанностях. Если с вагоном ничего не случилось, значит, беды не будет и впредь. Но всякая беспечность и халатность редко остаются без последствий.

17 октября 1888 года царский поезд, идущий из Крыма, вошел на дистанцию, находящуюся в управлении Витте, и машинисты тут же замедлили ход. Александр Третий вспомнил, что и по пути в Крым поезд шел медленно именно на этом участке, на остальных же разгонялся до семидесяти верст в час.

Император вызвал к себе министра путей сообщения и осведомился:

– Константин Николаевич, почему поезд замедлил ход?

– Безобразие! – пробурчал Посьет. – Простите, ваше величество, я сейчас же пошлю к машинистам человека с приказом увеличить скорость.

– Делайте что хотите, но в Харьков поезд должен прибыть по расписанию. А у нас в Тарановке уже было полтора часа опоздания.

– Что-то машинисты наверстали.

– А сейчас опять теряют непонятно почему. Ступайте и наведите порядок.

Посьет ушел, а к императору прибыл начальник охраны генерал Черевин.

– Разрешите, ваше величество?

– Входите, Петр Александрович. Что у вас?

– Не могу не выразить беспокойства, ваше величество.

– В чем?

– В том, что поезд идет с опозданием.

Император взглянул на начальника охраны.

– Почему вас это беспокоит?

Черевин объяснил:

– В Харькове все жандармские меры по обеспечению безопасности вас и вашей семьи рассчитаны точно под расписание движения поезда. На улицах среди народа находятся секретные агенты. Они могут быть раскрыты, если станут часами топтаться на одном месте.

Император улыбнулся:

– Так пусть топчутся в разных местах. А если серьезно, генерал, то данным вопросом в настоящее время занимается лично министр путей сообщения.

Тут же вернулся Посьет.

– Безобразие, ваше величество. Оказывается, какой-то чиновничек, сопровождающий поезд, отдал бригаде машинистов приказ уменьшить скорость.

– Что за чиновник?

– Управляющий Юго-Западными железными дорогами господин Витте. Поезд идет по дистанции, подчиненной ему.

– Где он?

– В моем вагоне, – ответил министр.

Император повернулся к Черевину:

– Петр Александрович, пригласите сюда господина Витте.

– Слушаюсь, ваше величество.

Спустя некоторое время явился Витте.

– Почему вы приказали бригаде машинистов снизить скорость? – спросил император.

– На то есть объективные причины, ваше величество, – без тени смущения ответил Витте.

– Что за причины?

– Участок дороги Тарановка – Борки еще летом признан аварийным. Этот отрезок пути введен в эксплуатацию всего два года назад. Строили дорогу по концессии. Акционеры сдали участок раньше срока, допустив массу нарушений и злоупотреблений. В частности, путь уложен с превышением допустимого угла наклона, балласта насыпано меньше нормы. Насыпь постоянно оседает и размывается дождями. Даже шпалы кое-где уложены бракованные. Перед вашей поездкой их заменили, но не новыми, а снятыми с другого участка. Кроме того, месяц назад, при движении поезда в Крым, мной были замечены неполадки в вагоне министра путей сообщения. Механики обещали провести ремонт в Севастополе, но этого сделано не было. К тому же первый паровоз при скорости в семьдесят верст сильно раскачивается, создавая значительное боковое давление на рельсы. Исходя из вышеизложенного, на дистанции пути, находящейся в моем управлении, машинистам вашего поезда даны строгие указания не нарушать порядков, действующих на дорогах, что включает в себя и снижение скорости тяжелого состава. Не следует, ваше величество, считать особой державной привилегией пренебрежение правилами безопасности.

– Смотрите, какой умный нашелся, – воскликнул Посыет. – И все-то он знает, во всем разбирается. Даже считает возможным делать замечания императору. А не боитесь, голубчик, остаться без должности?

– Я всего лишь исполняю свои обязанности.

Император подошел к Витте:

– Значит... как вас по имени-отчеству?

– Сергей Юльевич, ваше величество.

– Значит, Сергей Юльевич, машинисты выполняют ваши инструкции, игнорируя приказы министра?

– Они делают свое дело именно так, как это и положено.

– Может, они и мой личный приказ проигнорируют? – Александр Третий посмотрел в глаза Витте.

– Бригада, ваше величество, обязана подчиняться исключительно инструкции. Ее нарушение – преступление.

– Вот как? Проверим. – Император резко повернулся к Посыету: – Константин Николаевич, вы можете по телефону связаться с машинистом первого паровоза?

– К сожалению, нет, ваше величество. Телефонный провод не протянут до паровозов.

– Ну, тогда пошлите кого-нибудь, чтобы передали машинистам приказ о повышении скорости до семидесяти верст в час.

– Слушаюсь, ваше величество. Это мы сейчас. Не составит труда. Солдат охраны пошлю.

– Ну а мы с господином Витте подождем.

Посыет вернулся растерянным.

– Ну что? – спросил император.

Министр путей сообщения развел руками и заявил:

– Машинисты, ваше величество, отказались увеличить скорость.

– Что? Как это отказались?

– Так доложил солдат охраны, который через тендеры перебирался на паровозы.

– Бардак!

Посыет повернулся к Витте:

– Вы еще ой как пожалеете об этом, господин хороший!

Император внимательно посмотрел на управляющего Юго-Западными железными дорогами и заявил:

– Ну что ж, вам виднее, Сергей Юльевич. Свободны.

Витте поклонился императору и покинул царский вагон.

– Я немедленно уволю этого управляющего, слишком много о себе возомнившего, – проговорил Посыет.

– Нет! – резко ответил Александр Третий. – Никаких рапортов и отставок! Вы, Константин Николаевич, должны беречь такие кадры.

Министр ничего не понял, пожал плечами:

– Да, конечно, ваше величество.

Как только царский поезд вышел на дистанцию, не подчинявшуюся Витте, Посыет тут же отдал приказ новой бригаде увеличить скорость. Так и было сделано. Состав чрезвычайной важности пошел со скоростью около семидесяти верст в час навстречу катастрофе.

В половине второго царская семья и приближенная свита собрались в вагоне-ресторане. Император пообедал и, ожидая кофе, смотрел в окно. За ним лил дождь с изморосью. В 14.14 состав начал спуск с уклона в районе станции Борки, в сорока девяти верстах от Харькова и двухстах семидесяти семи – от Курска.

Неожиданно раздался страшный скрежет, и сильнейший удар бросил всех на пол.

«Крушение!» – мелькнуло в голове императора.

Он попытался встать, но второй удар, еще более мощный, вновь швырнул его на пол. Раздались крики женщин. Александр Третий увидел, как треснули боковые стены вагона, вперед полетели поперечные стенки, крыша стала падать.

Но не пришло еще время умереть русскому царю. На месте погибли камер-лакеи, остальные же оказались в пространстве, оставшемся благодаря тому, что крыша при падении одним концом уперлась в пирамиду из тележек, которые оторвались при крушении, откатились назад, создали нагромождение. Однако опасность не миновала.

Александр не потерял самообладания. Царь, обладавший недюжинной силой, сумел приподнять потолок. Он держал его, давая возможность всем живым выбраться наружу.

В спасительную грязь и слякоть вышли Мария Федоровна, Николай, Георгий, Ксения, осыпанные землей, обломками, фрагментами дорогой отделки вагона. За ними наружу выбрались и лица свиты, приглашенные к завтраку. Только тогда император отпустил крышу и отошел на насыпь. Вагон-ресторан полулежал на левой стороне, без колес, со сплюснутыми и разрушенными стенами и крышей, которая частью держалась на нижней раме.

Он услышал крик супруги:

– Ольга, Михаил!

Царь оглянулся.

Вагон, в котором находились младшие дети, развернулся поперек пути и накренился над откосом.

Александр бросился туда вместе с солдатами охраны. В разрушенном вагоне император увидел окровавленную, раненную обломками няню шестилетней Ольги.

Женщина показывала в сторону насыпи.

– Княжна там!

Солдаты вынесли няню. Александр нашел дочь, передал ее жене. Малолетнего Михаила император подобрал под откосом. Сила удара была такой, что мальчик вылетел из поезда.

К императору подошел начальник охраны.

– Слава богу, ваше величество! Вы и семья живы и серьезно не пострадали.

– Что с остальными? – спросил Александр Третий.

– К сожалению, вагон, в котором находились придворные служащие и буфетная прислуга, полностью уничтожен. Все люди, находившиеся в нем, мертвы. Тела обезображены. С левой стороны подняты тринадцать трупов. Уцелели паровозы да пять вагонов, которые были оборудованы новейшими тормозами.

– Всего сколько погибших?

– Двадцать один человек, ваше величество. Тридцать семь раненых.

– Посьет жив?

– Жив, ваше величество. Да вон он идет сюда, хромает.

– Часть солдат выставить на насыпь! – приказал император. – Пусть залпами стреляют в воздух. По дороге много селений. Кто-нибудь да услышит пальбу и передаст сигнал бедствия в Харьков. Остальным помогать раненым.

– Императрица уже занимается этим. Цесаревич и великий князь Георгий сейчас с солдатами. У вас повреждена нога, государь.

Царь тоже получил ранение, но не обращал на это никакого внимания.

Генерал-адъютант Черевин бросился исполнять приказ.

К императору подошел бледный, трясущийся то ли от холода, то ли от перенесенного стресса министр путей сообщения.

– Счастье-то какое, ваше величество! Такая катастрофа, а вы и ваша семья живы. Господь отвел от вас смерть.

Император резко повернулся к министру:

– Счастье, говоришь? Где ты увидел счастье? Протри глаза, министр.

Константин Николаевич Посьет, человек преклонных лет, не ожидал подобного грубого обращения.

– За что вы так со мной, ваше величество? В чем моя вина?

– Ты еще спрашиваешь? Посмотри на место катастрофы!

Перед глазами министра предстала страшная картина. По обе стороны насыпи – груды исковерканного металла, под ногами битое стекло, доски. Вдоль полотна мечутся люди. Повсюду стоны, плач. Мелкий дождь с силой хлещет в лица, но никто этого не замечает, все в шоке.

– Видишь? – спросил император.

– Да, ваше величество! – тихо ответил Посьет.

– Так, значит, на Витте рапорт? В отставку его, единственного человека, который, несмотря ни на что, обеспечил безопасность поезда на подчиненной ему дистанции? Именно он, не беспокоясь о собственной карьере, предупреждал о возможных последствиях нарушения инструкций. Послушай я его... да что теперь говорить. – Александр махнул рукой.

– Я ранен, ваше величество, – еще тише проговорил Посьет.

– Ничего, раны заживут, а потом пойдешь под суд. Вместе со своими чиновниками, принимавшими дорогу, и теми акционерами, которые ради выгоды готовы допустить любые жертвы. Вы все ответите перед законом. А сейчас уйди с глаз долой. Будет лучше, если до Петербурга я тебя не увижу!

Прогнав дрожащего министра, император осмотрел детей. Оказалось, что больше всех пострадала старшая дочь Ксения. У нее была повреждена спина. Александр подбодрил ее и пошел к жене, которая помогала раненым, как уж могла.

Его догнал генерал-адъютант Черевин.

– Ваше величество!

– Да, Петр Александрович.

Черевин держал в руках икону Спаса Нерукотворного.

– Вот нашел среди обломков. Икона совершенно не пострадала.

Император перекрестился.

– Благодарю тебя, Господи, за спасение. – Он приложился к иконе и приказал Черевину обходить с ней место трагедии.

– А что это с господином Посъетом? – спросил генерал. – У него такой вид, будто он собрался стреляться.

– Такие, генерал, не стреляются. И не будем о нем.

Весть о крушении императорского поезда быстро разнеслась по линии, и помощь спешила со всех сторон. Появились военные медики с перевязочными средствами и носилками, начали оказывать пострадавшим квалифицированную помощь. Замерзших людей укутывали в одеяла, меняли мокрую одежду.

Императрица с медицинским персоналом обходила раненых, утешала, ласковым словом старалась облегчить их страдания. Это несмотря на то, что у нее самой была повреждена рука выше локтя и она оставалась в одном мокром платье. Позже на плечи ее накинули офицерскую шинель.

Пять часов без отдыха государь руководил спасательными работами. Только в сумерки, когда не осталось без помощи ни одного раненого, царская семья пересела в поезд, прибывший к Боркам, и отбыла на станцию Лозовую.

Расследование дела о крушении царского поезда в Борках было поручено известному юристу Анатолию Федоровичу Кони. Тем временем в обществе и в печати начали ходить самые невероятные слухи. Шла речь об участии в крушении революционеров-террористов. Досужие сплетники даже упоминали какого-то мальчика, непонятно откуда взявшегося среди прислуги. Вот он-то, мол, и принес в вагон-ресторан бомбу вместо десерта.

Проведя тщательное расследование, Кони прибыл к императору на доклад. Александр Третий встретил следователя приветливо, без излишних формальностей, предложил сесть в кресло.

Кони раскрыл папку.

– Ваше величество, я провел все необходимые следственные действия и пришел к заключению, что причиной катастрофы царского поезда у Борок является преступная халатность, неисполнение своего долга всеми лицами, отвечавшими за вашу безопасность. Мы имеем основания привлечь к суду как непосредственных виновников крушения – машинистов, инспекторов Кронеберга и Кованько, не ограничивших скорость на аварийном участке, так и высших должностных лиц. Я имею в виду министра путей сообщения Посъета, главного инспектора железных дорог барона Шернвалья, его помощника барона Таубе, начальника вашей охраны генерал-адъютанта Черевина, а также членов правления Курско-Харьковско-Азовской железной дороги.

Император взглянул на Кони:

– Последних по какому обвинению?

– По обвинению в хищениях, в результате которых дорога была доведена до опасного состояния.

– Понятно. Но привлечение к суду персон такого ранга – дело беспрецедентное. Раньше за аварии ответственность несли служащие, но никак не собственники железных дорог. А что касается привлечения к суду министра и прочих высших сановников, то об этом и речи никогда не заходило.

– Верно, но случай у Борок особый. Ведь под угрозой гибели оказались государь и наследник престола.

– В российском законодательстве не предусмотрена процедура привлечения министров к суду.

– Так надо принять соответствующий закон. Простите, государь, но таково мое личное мнение.

– Вы правы. Я поддерживаю вас и предприму необходимые шаги в этом направлении. Что же касается генерала Черевина, то он исполнял свои обязанности и мои личные приказы.

– Я вас понял, ваше величество.

Император присел в кресло напротив следователя.

– А скажите, Анатолий Федорович, вы допрашивали господина Витте?

– Конечно!

– И что он показал?

– Витте подтвердил свою основную рекомендацию.

– Движение императорских поездов не должно нарушать правил, которые действуют на дорогах?

– Совершенно точно.

– А как он вам в общем?

– Господин Витте достойный человек, честный чиновник, образцово исполняющий свои должностные обязанности. Возможно, немного щепетил в соблюдении разного рода инструкций, но это и к лучшему. По отзывам его руководителей и подчиненных, мнение которых, как известно, совпадает не так часто, господин Витте прекрасный управленец.

– Да-да! – проговорил император. – Если бы я его послушал, то не случилось бы такой беды. А что показал Посьет?

– Я пытался выяснить у него, почему он не вмешивался в ситуацию и не обращал вашего внимания на неправильное составление поезда. Он ответил, что говорил об этом еще вашему отцу, предупреждал и вас.

– Это ложь. Только один Витте по-настоящему заботился о безопасности моей семьи.

– Знаю. Но что взять с господина Посьета, если он путает даты и события?

– Пытается уйти от ответственности.

– По-моему, Константин Николаевич полностью уверен в собственной безнаказанности. Кстати, генерал-адъютант Черевин говорил, что министр в критический момент вообще ловил галок на крыше. Технический же инспектор Таубе благодарил бригаду поезда за скорую езду. При этом присутствовали управляющий Курско-Харьковско-Азовской железной дорогой Кованько и инспектор Кронеберг. А уж они-то обязаны были знать, в каком состоянии находятся пути на следующем перегоне.

– Много кто чего должен и обязан! У вас все?

– Следствие закончено. Материалы готовы для передачи в суд.

– Хорошо. Мы еще встретимся, благодарю за работу и не смею задерживать.

Кони покинул кабинет императора.

Александр Третий сдержал обещание, данное ему. Он отдал распоряжение министру юстиции разработать и провести через Государственный совет соответствующий законопроект.

Новый закон был принят. Согласно ему, вопрос о предании суду чиновников в ранге министра сначала должен был решаться императором, а после поступать в Государственный совет. Там дело разбиралось в два этапа. Сперва в особом присутствии, затем в департаменте гражданских и духовных дел. Именно на втором этапе и принималось окончательное решение,

отдать ли высокопоставленного чиновника под суд, прекратить дело или наложить взыскание без суда.

В феврале 1889 года дело о крушении слушалось в Государственном совете, так как император требовал осуждения Посьета, уже снятого с должности. Члены совета оказались в сложном положении. С одной стороны, они не могли проигнорировать мнение государя, с другой, осуждение бывшего министра создавало прецедент, опасный для всей бюрократии.

Особое присутствие состояло из представителей департаментов и министров. Они выслушали доклад Кони и перешли к прениям. Великие князья Михаил Николаевич и Владимир Александрович, присутствовавшие на заседании, потребовали отдать Посьета под суд.

Часть присутствующих с этим согласилась. Остальные же во главе с министром внутренних дел графом Толстым высказывали опасения в том, что отдача министра под суд будет означать падение престижа власти в глазах общества.

По результатам голосования все же победило мнение императора. Было принято решение об отдаче Посьета и Шернваля под суд.

После заседания Александр Третий вызвал к себе Кони и сказал:

– Что ж, Анатолий Федорович, дело можно считать решенным. Лица, виновные в преступной халатности, предстанут перед судом.

– Думаю, об этом рано говорить.

– Почему? – удивился император.

– Насколько мне известно, департамент гражданских и духовных дел не намерен поддерживать решение особого присутствия. Посьета жалеют многие высокопоставленные чиновники. В петербургских салонах только о том и говорят, что бесчеловечно обвинять заслуженного адмирала.

– На вас оказывают давление, Анатолий Федорович?

Кони улыбнулся:

– Меня, ваше величество, называют социалистом, возбуждающим рабочих. В министерство поступают доносы.

– Чем я могу помочь?

– Вы, к сожалению, лицо заинтересованное и не вправе оказывать давление на чиновников. В любой другой ситуации ваше слово стало бы решающим, но не в этой.

– Так вы считаете, что окончательное решение о предании Посьета к суду будет проведено?

– Не сомневаюсь в этом. Под суд пойдут, как говорится, стрелочники – мелкие чиновники, машинисты, а это несправедливо.

– Что предлагаете?

Кони вздохнул:

– Дабы избежать несправедливости, выход один – прекратить все дело о крушении поезда.

– Понятно. Я подумаю.

Кони попрощался с императором и покинул дворец.

Александр Третий издал милостивый манифест. На этом дело о крушении и закончилось. Посьету и Шернвалю на заседании департамента гражданских и духовных дел были объявлены выговоры без занесения в формуляр.

Александр Третий даже не представлял, какую бомбу он собственноручно закладывает под престол, идя на поводу у своих министров. Народ не только радовался спасению государя и его семьи, но и скорбел по погибшим в той катастрофе. Общество ждало открытого процесса над виновниками трагедии. Однако суда не состоялось. Получалось, что царь простил убийц.

Таким подарком не могли не воспользоваться радикально настроенные антимонархические силы. Так они и сделали немного позже. Подобная слабость, даже вынужденная, не про-

щается правителям государств. Только сильная власть пользуется уважением и поддержкой основной массы общества. Александр Третий должен был настоять на осуждении Посьета, но пошел на уступки.

Тогда мало кто знал о последствиях катастрофы, которые в недалеком будущем сыграют свою роковую роль в судьбе государя. При крушении Александр Третий получил не только ранение ноги, но и серьезные ушибы почек. Развилась опухоль. Она привела к инфаркту, сократившему жизнь императора.

Царь не забыл скромного, но непокорного чиновника Витте. Вскоре Сергей Юльевич был назначен министром путей сообщения. Впоследствии он стал и премьер-министром.

Пока шло следствие, в Россию по приглашению своей сестры Елизаветы приехала принцесса Алиса, которой уже исполнилось семнадцать лет. На этот раз она принимала участие в жизни двора, присутствовала на приемах и балах. Конечно же, девушка встретилась с наследником престола именно в день приезда. Николай с нетерпением ждал этого свидания, и вот оно наконец-то состоялось в одной из небольших комнат дворца.

Николай поцеловал принцессе руку.

– Аликс, если бы ты знала, как я рад видеть тебя!

– Я тоже очень рада, Ники, но прежде хочу упрекнуть тебя.

– В чем? – удивился наследник.

– Ты еще спрашиваешь? Почему ты не дал знать, что остался невредим, сразу же после трагедии на железной дороге? Как только к нам пришла весть о крушении поезда, о том, что при катастрофе погибли и получили ранения очень много людей, я едва не сошла с ума. Мне было так плохо, что я слегла. Перед глазами все время стояла страшная картина. Ты, окровавленный, изуродованный, лежишь под обломками, снегом и дождем. Глаза твои полны боли и молят о помощи, но рядом никого нет. Я плакала, и никто не мог успокоить меня. А ты не соизволил сообщить, что жив и не пострадал.

– Но, Аликс, еще из Харькова во все концы света были отправлены телеграммы о том, что царская семья осталась жива.

– Да, но эта телеграмма пришла в Лондон через два дня после катастрофы.

Николай опустил на колено, расцеловал руки принцессы.

– Прости, дорогая Аликс. Я не хотел причинить тебе боль.

– Ладно, Ники, довольно, а то войдет кто-нибудь и увидит нас в таком виде.

– Пусть. Я люблю тебя и готов объявить об этом на весь мир.

– И все же поднимись, я прошу.

Цесаревич встал. Его глубоко тронула забота принцессы.

– А ты любишь меня? – спросил он, глядя в ее красивые глаза, по-прежнему полные какой-то волнующей печали.

– Ники, не надо спрашивать об этом.

– Но почему, Аликс? Ведь для меня это вопрос жизни и смерти.

Принцесса улыбнулась:

– Ну прямо жизни и смерти?

– Да, – твердо ответил наследник русского престола.

Улыбка на лице принцессы Гессенской сменилась печалью.

– Я люблю тебя, Ники, но...

– Что «но», Аликс? – воскликнул Николай.

– Но боюсь, что нам не суждено быть вместе.

– Почему? Я готов немедленно просить твоей руки и сердца.

– И я готова стать твоей женой, однако получим ли мы благословение? Бабушка, королева Виктория, недолюбливает твоего отца. Император Александр платит ей той же монетой. И

потом, я слышала, что твои родители не считают, что цесаревичу пришло время жениться. Но больше всего меня огорчает другое, Ники.

– Что, Аликс?

– То, что выбор невесты для будущего русского государя – вопрос большой политики. Станут ли твои родители принимать во внимание наши чувства, Ники?

– Станут, – вновь твердо ответил Николай. – Если будущий император обязан жениться по политическому расчету, то, поверь, дорогая, ради тебя и нашей любви я готов уступить место наследника своему брату Георгу. Без тебя, Аликс, мне трон не нужен. Да, я сделаю это.

– Ники, зачем такая жертва? – Алиса была растрогана пылкой речью любимого.

– Это не жертва, а мое решение. Отцу придется согласиться со мной либо...

Принцесса взяла Николая за руки:

– Не говори больше ничего, Ники. Я верю тебе, люблю тебя.

– Ты выйдешь за меня замуж?

– Какой же ты настойчивый.

– И все же прошу, ответь!

– Да, – тихо проговорила Алиса и убежала из комнаты.

Николай, совершенно счастливый, направился к брату.

В дальнейшем они часто встречались на балах. Алиса не была любительницей праздного времяпрепровождения, но в Петербурге являлась на них охотно. Ведь там она танцевала с Николаем. Позже вечером они уединялись и вели долгие разговоры.

Наследник записал в своем дневнике: «Моя мечта – жениться на Аликс».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.